

Глава I

РОССИЯ И США ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Раздел 1. СССР и США на завершающем этапе биполярной конфронтации

В годы холодной войны вопросы безопасности были в центре советско-американских отношений, определяли их содержание и направленность, так как в иных сферах, прежде всего экономической, взаимодействие было минимальным. Достижение военного паритета в конце 1960-х – начале 1970-х годов возвело Советский Союз в ранг сверхдержавы, НАТО и Организация Варшавского договора (ОВД) сдерживали друг друга почти равной военной мощью, началась эпоха равноправных переговоров по ограничению и сокращению вооружений, установлению контроля над распространением ядерного оружия, были подписаны Хельсинкские соглашения и признаны сферы влияния сверхдержав в третьем мире и в Европе, ООН и СБСЕ выполняли роль коллективного регулятора международных отношений.

Взаимодействие СССР и США в сфере безопасности не остановило гонки вооружений, продолжалась их модернизация. В начале 1980-х годов, когда президент Рейган заявил о развертывании программы «звездных войн» («стратегическая оборонная инициатива» – СОИ), предусматривавшей новый, более высокий виток в гонке вооружений, перенос военного состязания в космос, ядерный паритет между сверхдержавами оказался под вопросом. Политика республиканской администрации была направлена на то, чтобы сломать существовавшую систему двусторонних договоренностей, установить превосходство США в военной сфере, истощить оппонента и подтолкнуть СССР к уступкам.

Период 1985–1991 гг. в международной деятельности Советского Союза и Соединенных Штатов является предметом отдельного исследования, однако, представляется необходимым кратко охарактеризовать то, какие идеи и прогнозы высказывались в советском и американском внешнеполитических сообществах относительно перспектив мирового развития и отношений

между сверхдержавами. Их анализ позволит лучше понять проблемы, возникшие в отношениях Российской Федерации и США после распада СССР в декабре 1991 года.

Новые подходы Советского Союза к международным отношениям

Во второй половине 1980-х годов во внешнеполитическую стратегию СССР были внесены серьезные изменения. Это было вызвано рядом факторов:

- сменой политического руководства страны;
- внутривнутриполитическими проблемами, требовавшими снижения бремени затрат на международную деятельность и притока иностранных капиталов;
- процессами, происходившими в мире, такими как чрезмерная милитаризация международных и советско-американских отношений, негативные тенденции в отношениях СССР со странами Запада и США в начале 1980-х годов, сложная ситуация в Организации Варшавского договора, бремя политики в странах третьего мира, война в Афганистане;
- сдвигами в мышлении значительной части советской политической элиты, осознавшей изменения в мировом развитии и необходимость новых подходов к отношениям с окружающим миром, в первую очередь с Соединенными Штатами.

Идеи, получившие впоследствии определение «новое политическое мышление», высказывались прежде всего в связи с проблемами международной безопасности. Одним из трудов, в котором были изложены новые подходы и взгляды, стала вышедшая в 1984 году книга Анат. А. Громько и В.Б. Ломейко «Новое мышление в ядерный век». Авторы отмечали следующее: «Когда мы сегодня с тревогой говорим о необходимости нового мышления в ядерную эпоху, то имеем в виду необходимость принципиального изменения основных критериев в подходе к решению глобальных проблем современности со стороны всего человеческого сообщества и всех государственных деятелей. Ведь для того, чтобы решить эти проблемы... необходимы совместные усилия всех членов сообщества. Одно из свидетельств нашей приверженности не к блоковому, а планетарному мышлению заключается в том,

что социализм выступает первым и последовательным защитником не просто своего строя, а всей цивилизации»¹.

Эта работа фиксировала состояние умов представителей советского академического сообщества, многие из которых понимали, что без учета фактора глобализации нельзя решить ни собственно советские проблемы, ни общемировые. Правящая партийная элита усматривала в продвижении идей глобализации возможность преодолеть внешний и внутренний кризисы, сохраняя равноправное с США положение в мире.

Академик Г.А. Арбатов, один из ведущих теоретиков внешней политики Советского Союза, развивая тему глобализации, делал акцент на том, что реальность властно требовала радикально пересмотреть подход к роли силы в международных отношениях, переоценить понятия «победа в войне или в гонке вооружений». В выступлении на ежегодном съезде Международной ассоциации политических наук в г. Вашингтоне (США) 6 марта 1985 года он отметил, что гонка вооружений, силовая политика, основывавшаяся на ней, становились непозволительной роскошью для ведущих стран мира и всего человечества со всех точек зрения — политической, военной, экономической.

Г.А. Арбатов подчеркнул, что даже для США, крупнейшей экономической державы, гонка вооружений не прошла бесследно, в стране оставалось много нерешенных проблем — нищета, преступность, усовершенствование систем образования и медицинского обеспечения, регламентация федеральных расходов и т.д. Особое внимание он обратил на негативные последствия политики гонки вооружений для развивающихся стран. Академик напомнил Делийскую декларацию, принятую в январе 1985 года на встрече глав правительств шести государств — Индии, Мексики, Швеции, Танзании, Аргентины и Греции, где говорилось следующее: «За последние четыре десятилетия почти незаметно все страны и все народы перестали быть хозяевами в решении вопросов своей жизни и смерти. Все мы привыкли к тому, что небольшая горстка людей и машин в далеких городах может определять нашу судьбу ... как будто все человечество в целом стало узником камеры смертников, ожидающих неизвестного момента казни». По мне-

¹ Цит. по: Громыко Анат. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. — М., 1997. — С. 138-139.

нию Г.А. Арбатова, перед СССР и США, перед более благополучной и могущественной в военном отношении частью человечества, всем мировым сообществом встал важный вопрос: кто имеет моральное право вольно или невольно решать вопросы жизни и смерти остального населения Земли, и чем, в конечном итоге, чревата его реакция на это для самих же ядерных держав?¹

Новая концепция обеспечения международной безопасности составила основу советской внешнеполитической стратегии, обнародованной в феврале 1986 года на XXVII съезде КПСС в Политическом докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева². В ней получили отражение изменения, происходившие в мире и в отношениях между сверхдержавами, тот факт, что многие проблемы приобрели глобальный характер. М.С. Горбачев заявил следующее: «Ход истории, общественного прогресса все настоятельнее требует налаживания конструктивного, созидательного взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты... Такое взаимодействие нужно, чтобы предотвратить ядерную катастрофу, чтобы смогла выжить цивилизация. Оно требуется, чтобы сообща и в интересах каждого решать и другие обостряющиеся общечеловеческие проблемы. В сочетании соревнования, противоборства двух систем и нарастающей тенденции к взаимозависимости государств мирового сообщества — реальная диалектика современного развития»³.

В духе нового мышления была выдержана речь М.С. Горбачева и на сессии ООН в декабре 1986 года, где советский лидер вновь подчеркнул, что проблемы, стоящие перед человечеством, носят глобальный, а не региональный характер. Он призвал поднять на новый уровень сотрудничество между государствами, освободить его от идеологических стереотипов, выступил за разоружение, открытый диалог в обществе, за урегулирование региональных конфликтов, в том числе в Афганистане.

В появившейся в 1988 году книге М.С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нас и для всего мира» отмечалось, что в конце драматического XX века человечество должно при-

¹ Арбатов Г.А. Перспективы советско-американских отношений // США — экономика, политика, идеология. — 1985. — № 6. — С. 40-46.

² Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 3. — М., 1987. — С. 180-280.

³ Там же. — С. 181, 198-199.

знать жизненную необходимость приоритета общечеловеческих ценностей. Среди характеристик современных международных отношений в ней назывались растущая многомерность, взаимозависимость и взаимовлияние процессов на различных уровнях — политическом, военном, экономическом, научно-техническом, культурном и т. д. Отмечалось, что, несмотря на различия между двумя социально-экономическими системами, конфликтность и противоречивость современной системы международных отношений, идет процесс формирования целостного взаимозависимого мира, выдвигающего в качестве главной задачи решение проблем безопасности на всех уровнях и во всех сферах международных отношений.

Перед советскими учеными и дипломатами была поставлена задача привести новые реалии международного развития и новый «глобальный подход» в соответствие с сохранявшимися различиями во внешнеполитических приоритетах СССР и США, социалистической и капиталистической систем. Указывалось, что эволюция обеих систем под влиянием идущих процессов мирового развития, расширение сферы взаимодействия снизили накал противостояния, изменили соотношение между классовыми и общечеловеческими ценностями и интересами в пользу последних. При этом отмечалось, что речь не шла об отказе от социалистических ценностей, а лишь об изменении их удельного веса.

Изложение нового подхода к международной безопасности было представлено советскими учеными в ряде работ, посвященных проблемам международных отношений¹. В них, в частности, говорилось, что Советский Союз, как автор и инициатор новой теории безопасности, отверг традиционалистский подход к решению международных проблем, основывавшийся на силовом, прежде всего, военном, решении. Отмечалось, что нельзя построить безопасность только в одной сфере — военной или

¹ Капитализм на исходе столетия. Научная редакция А.Н. Яковлева. — М., 1987; Спасский Н.Н. Национальная безопасность — действительная и мнимая //Международная жизнь. — 1989. — № 6. — С. 3-14; Мельвиль А.Ю. «Образ врага» и новое политическое мышление //США — экономика, политика, идеология. — 1988. — № 1. — С. 29-39; Трофименко Г.А. Новые реальности и новое мышление //США — экономика, политика, идеология. — 1987. — № 2. — С. 3-15; Его же. Какая военная доктрина нам нужна? //Международная жизнь. — 1990. — № 12. — С. 39-51.

политической, экономической или гуманитарной. Безопасность понималась как всеобъемлющая единая система, распространявшаяся на все сферы международных отношений. Советские специалисты-международники высказывали также убеждение в том, что невозможно строить международную систему безопасности, руководствуясь только эгоцентрическим подходом, ставя интересы национальной безопасности выше интересов международной безопасности, стремясь обеспечить свою безопасность за счет безопасности других народов. Они предлагали качественно новый подход, основанный на примате общечеловеческих интересов, выделяли следующие факторы, которые, по их мнению, отличали новую концепцию от существовавшей ранее концепции коллективной безопасности:

1. Задача коллективной безопасности не выходила за рамки ликвидации существовавших или потенциальных военных очагов в отдельных регионах. Устав ООН, в котором содержатся принципы и механизмы функционирования системы коллективной безопасности, предусматривает лишь отдельные действия в отношении угрозы нарушения мира и актов агрессии. Под эти действия не подпадают ограничение вооружений, предотвращение глобальных угроз, создаваемых нерешенностью социальных и экономических проблем.

2. Коллективная безопасность создавалась одной группой государств против другой – потенциальных агрессоров. Новая стратегия безопасности направлена не против какого-либо государства, а против общих угроз для всего человечества, в первую очередь против ядерного оружия.

3. Коллективная безопасность признавала как неизбежность военные конфликты и потому делала акцент на пресечении агрессии. Новая концепция безопасности исходит из неприятия как ядерных, так и обычных войн. Она придает исключительно важное значение мерам превентивного характера, содержит предпосылки для материализации жизненно важного принципа – отказа от силовых методов решения международных проблем, их урегулирования исключительно политическими средствами¹.

Заместитель министра иностранных дел СССР А.Л. Адамишин писал в 1988 году следующее: «Очевидно, что ин-

¹ Капитализм на исходе столетия. – С. 330-344, 352-355, 363-365.

тересы людей, их групп, партий, классов будут сталкиваться внутри стран, а интересы различных государств — на международном ристалище... Но возникли объективные лимиты, за которые не может выйти столкновение интересов, чтобы не нанести ущерба обеим или даже всем борющимся сторонам». Вместе с мыслью о переходе международных и двусторонних отношений СССР и США на качественно новый уровень при сохранении особенностей каждой из систем, проводилась мысль о том, что такой переход возможно осуществить при условии возрождения великих гуманистических идей и приведения политики государств в соответствие с высшими нравственными принципами человечества, т.е. с общечеловеческими ценностями¹.

Важным условием успешного претворения в жизнь нового типа межгосударственных отношений называлась деидеологизация внешней политики. При сохранении социализма в Советском Союзе и ряде других стран деидеологизация международных отношений означала на практике отход от продвижения социалистической модели развития с использованием силовых методов, признание права стран на свободный выбор. Выступая за деидеологизацию международных отношений, советские политики предполагали, что Соединенные Штаты и их союзники также будут строить свою политику в соответствии с общечеловеческими идеалами и задачами, признают окончание холодной войны, откажутся от попыток «выбросить социализм на свалку истории»². Подчеркивалось, что тенденция к деидеологизации не означала конвергенции с Западом, которую большая часть советской элиты не признавала. Многие авторы писали, что речь шла не о создании универсальной идеологии, а об отказе от идеологизированных подходов и переходе к механизмам взаимодействия в международных отношениях, использованию в этих целях международных организаций, налаживанию равноправного сотрудничества. Заместитель министра иностранных дел СССР В.Ф. Петровский писал: «Такое сотрудничество требует сдать в архив любые претензии на вседозволенность, подняться над идеологическими разногласиями, проявить терпимость к инакомыслию, решительно повернуться к интеграции и интернацио-

¹ Адамишин А.Л. У человечества единая судьба //Международная жизнь. — 1989. — № 1. — С. 4-5.

² Там же. — С. 7.

нализации. При этом интернационализация видится не только как набирающий силу процесс взаимодействия, но и как состояние умов, усиление сопричастности ко всему происходящему в мире»¹. Заявляя о том, что общечеловеческие ценности и деидеологизация станут определяющими при планировании и осуществлении советской внешней политики, Советский Союз обращался к США и другим западным странам с предложением отказаться от прежней конфронтационной стратегии и принять линию на глобальное сотрудничество.

Такой «призыв» прозвучал в словах одного из наиболее авторитетных специалистов по внешней политике Г.А. Трофименко, писавшего, что СССР и США было необходимо найти альтернативный, невоенный подход к обеспечению взаимной безопасности. За основу он предложил взять разработанную советской стороной программу всеобщей всеобъемлющей безопасности, которую ученый определил как систему «взаимного гарантированного выживания» (в противовес концепции «взаимного гарантированного уничтожения»). Г.А. Трофименко заявил, что демилитаризация советско-американских отношений могла быть осуществлена только с одновременной деидеологизацией двусторонних и международных отношений. «Новое политическое мышление», с которым выступило советское руководство, требовало аналогичных шагов со стороны США, однако, писал политолог, риторика администрации Рейгана до конца правления оставалась более идеологизированной и конфронтационной в отношении СССР, чем какой-либо другой администрации в период после окончания Второй мировой войны².

Одновременно с надеждами на сотрудничество с Западом в решении мировых проблем высказывалась критика в адрес США за то, что они и союзники по НАТО «зажгли зеленый свет» перед самым дорогостоящим и масштабным, наиболее опасным по потенциальным последствиям витком гонки вооружений — космическим. Администрации Рейгана было брошено обвинение в том,

¹ Петровский В.Ф. Диалог о всеобъемлющей безопасности //Международная жизнь. — 1989. — № 10. — С. 10-12.

² Trofimenko H. The Emergence of Mutual Security: Its Objective Basis /Windows of Opportunity. From Cold War to Peaceful Competition in U.S. — Soviet Relations. Ed. By Graham T. Allison and William L. Ury with Bruce J. Allyn. — Cambridge (Mass.), 1989. — P. 176-179.

что в Вашингтоне зашли беспрецедентно далеко в попытках демонтировать самую основу процесса ограничения гонки вооружений, заложенную в 1970-е годы, в угоду американским имперским амбициям, корыстным интересам¹.

Несмотря на то, что в новом советском политическом мышлении оставался значительный критический компонент в оценках США и Запада, а официальный курс Соединенных Штатов сохранял традиционное неприятие коммунизма, было заметно изменение взглядов специалистов-международников, в том числе оказывавших влияние на формирование внешней политики. О ситуации в советском политико-академическом сообществе свидетельствовали результаты исследования, проводившегося в 1988 – 1989 гг. Институтом США и Канады АН СССР и Брауновским университетом (США). Специально разработанная анкета содержала 170 вопросов, касавшихся характера и динамики советско-американских отношений, международной безопасности, тенденций мирового развития, внешнеполитических целей и интересов Советского Союза. На вопросы анкеты попросили ответить 120 советских специалистов по внешнеполитическим вопросам, включая представителей профессорско-преподавательского состава, дипломатов, журналистов и различных общественных организаций².

Полученные результаты позволили сделать следующие выводы:

1. Происходит значительное размывание всей системы традиционно существующих точек зрения, ассоциирующихся со старым мышлением. Наблюдается отказ от тезиса, что противоречие между капитализмом и социализмом является основным противоречием нашей эпохи: 80 % опрошенных отвергли положение, что главная цель советской внешней политики должна исходить из понятия классовой борьбы и сводиться к распространению идей социализма во всем мире; 77 % заявили, что главная цель советской внешней политики должна заключаться в предотвращении ядерной войны.

2. В мире идет переоценка идеологического фактора в международных и советско-американских отношениях: 43 % высказали мне-

¹ Капитализм на исходе столетия. – С. 17-22.

² Данные исследования были первоначально опубликованы в статье: Мельвиль А.Ю., Никитин А.И. Советские эксперты о мировой политике //США – экономика, политика, идеология. – 1989. – № 6. – С. 3-17. Итогом проекта стала монография «Взаимная безопасность. Новый подход к советско-американским отношениям». – М., 1991.

ние, что советско-американские отношения не будут определяться политическим и идеологическим соперничеством, 34 % не согласились с таким утверждением; 50 % предсказали ослабление наиболее острых идеологических различий.

3. *Наблюдается размывание психологии сверхдержавы:* 43 % предвидели снижение значимости отношений между СССР и США в будущей международной политической жизни; 59 % заявили, что СССР и США не должны пользоваться особыми правами — правами сверхдержав в отношениях с другими странами.

4. *Отмечается снижение роли военного фактора в обеспечении безопасности:* только 17 % высказали мнение, что наиболее эффективными средствами обеспечения безопасности СССР остаются военно-технические; 52 % считали наиболее приемлемыми политические средства, 42 % заявили, что одним из наиболее эффективных средств может стать подписание соглашений с США. Особо следует сказать об оценке военного паритета — его важность признавалась половиной участников опроса, в то время как другая половина была убеждена в том, что СССР не нужно иметь одинаковое с США количество ядерных вооружений. Значительная часть опрошенных специалистов-международников — 43 % — по-прежнему признавали сохранение американской угрозы для СССР, в том числе военной.

Разногласия среди советских экспертов по военным вопросам и по вопросу об отношениях с США отразили одно из основных противоречий (проблем) в осуществлении внешней политики Советского Союза во второй половине 1980-х годов. С одной стороны, было осознание необходимости ослабить бремя военных проблем и расходов, а с другой — оставалось стремление сохранить военную мощь и сверхдержавное положение СССР, которое в значительной степени обуславливалось военным потенциалом.

Сторонники нового политического мышления рассматривали обеспечение безопасности как задачу, которую можно и нужно решать политическими средствами. Основным аргументом против использования военных методов урегулирования мировых проблем сводился к следующему: угроза уничтожения уравнивала государства и общественные системы, сделала выживание главной задачей современности; в ядерно-космическую эру отказ от ставки на силу, прежде всего в ее военном виде, как средства обеспечения безопасности, диктуется не только разрушительной силой совре-

менного оружия, но и целым комплексом экономических и политических факторов; велика опасность случайного возникновения ядерной войны в кризисной ситуации.

Один из наиболее авторитетных советских специалистов по военным вопросам генерал М.А. Мильштейн писал, что успех нового мышления в военной сфере мог быть достигнут только на условиях взаимности. Следует исходить из того, что обеспечение безопасности — задача не военная, а политическая и ее можно решить лишь политическими средствами, что безопасность СССР и США может быть только взаимной, а если брать международные отношения в целом — только всеобщей. В ядерно-космический век мир стал слишком хрупким для войны и силовой политики¹. Как отмечал М.А. Мильштейн, не только американское руководство, но и внешнеполитические элиты ведущих западных стран были не готовы пойти на радикальные шаги по созданию качественно новой всеобъемлющей системы безопасности — безопасности без ядерного оружия.

Одно из главных предложений сторонников нового подхода состояло в том, чтобы обеспечить безопасность без ядерного оружия при низком уровне военного противостояния, с учетом принципа одинаковой безопасности. Это ломало представления о ядерном оружии и ядерном сдерживании (устрашение) как главном средстве обеспечения безопасности. Предложение СССР от 15 января 1986 года о ликвидации ядерного оружия поэтапно к 2000 году не встретило поддержки на Западе.

Известный специалист по внешнеполитическим и военным вопросам А.А. Кокошин посчитал необходимым пересмотреть ряд стереотипов в оценке капиталистической системы, в частности, отказаться от определения милитаризма как некой обязательной и фатальной фазы в генезисе капитализма. Политолог так обосновывал свою позицию: «Как явление милитаризм экономически обратим и устраним, хотя добровольно современный капитализм от милитаризма не откажется. Его к этому могут вынудить экономические и политические реальности, сопротивление широких общественных слоев, а также умелая политика социалистических стран, не позволяющая навязать им правила игры, выгодные ми-

¹ Мильштейн М.А. К проблеме безопасности в современном мире // США — экономика, политика, идеология. — 1988. — № 1. — С. 10-17.

литаристским кругам ведущих капиталистических государств. В современных условиях сужается социальная база милитаризма, все более очевидным становится тот факт, что война уже перестала отвечать общеклассовым интересам буржуазии»¹.

Прогнозы политолога оказались преждевременными. Несмотря на прекращение политики военного противостояния в отношениях между СССР и США к концу 1980-х годов, коренная проблема обеспечения международной безопасности так и не была решена. И в начале XXI века военная сила по-прежнему рассматривается США и многими другими государствами в качестве важнейшего средства урегулирования и предотвращения международных кризисов и конфликтов.

В целом в 1985–1991 гг. советские ученые высказывали следующие оценки состояния и перспектив развития международных отношений:

— человечество достигло такой ступени развития, когда необходим пересмотр концепции межгосударственных отношений времен холодной войны;

— выдвигаемая Советским Союзом политика, основанная на новом политическом мышлении, примате общечеловеческих ценностей создает предпосылки для отказа от противостояния с США и другими капиталистическими державами;

— деидеологизация межгосударственных отношений делает возможным мирное сосуществование-соревнование социализма и капитализма;

— отказ от примата фактора силы в межгосударственных отношениях не отрицает необходимости сохранить имеющееся военно-стратегическое равновесие, которое отвечает высшим государственным интересам Советского Союза и других стран — участниц Организации Варшавского договора. Одной из наиболее приоритетных задач социалистического содружества с политической, оборонной, социально-экономической точек зрения становится снижение уровня этого равновесия, сокращение военных arsenалов, высвобождение все большего количества ресурсов для решения задач социально-экономического развития;

¹ Кокошин А.А. В поисках выхода: военно-политические аспекты международной безопасности. — М., 1989. — С. 114 -115.

— переход на новый уровень отношений требует создания новой системы международной безопасности — всеобъемлющей. Отношения между СССР и США, как исторически сложившихся политических и военных полюсов двух систем, должны строиться только на взаимной безопасности.

Предлагавшаяся советскими учеными парадигма международных отношений предполагала сохранение двух сверхдержав — СССР и США (хотя и делались заявления о постепенном снижении роли сверхдержав в мировом развитии) и военного паритета между ними, при отказе от силовых методов решения международных проблем. В.Ф. Петровский считал необходимым, чтобы в основе двусторонних отношений было «сотрудничество на качественно более высокой ступени сотворчества и соразвития, так как это объективно отвечает условиям открывающегося мирного периода в международных отношениях при возможной негативной и позитивной взаимосвязанности»¹.

Следует признать, что не все специалисты по международным проблемам соглашались с указанной точкой зрения, некоторые обращали внимание на сложность реализации программы нового политического мышления, высказывали сомнение в том, что предлагавшееся сближение двух мировых лидеров, двух противоположных систем для создания единого мира, достижения глобальных целей и обеспечения мировой стабильности может быть достижимо.

Так, авторитетный политолог А.М. Салмин при обсуждении темы целостного мира отмечал, что «наблюдается кризис не просто абстрактных «мировых» или «социально-экономических систем», а кризис систем, воплотившихся в военно-политических блоках». Он считал, что именно военно-политическая bipolarность, как она сложилась в послевоенный период, все меньше соответствовала характеру демографического, экономического, технического развития современного мира. Технический прогресс поставил под вопрос значимость традиционных стратегических вооружений, во-первых, для поддержания стабильного военно-стратегического паритета двух ведущих держав, во-вторых, для сохранения бесспорного в прошлом доминирования в мире этих держав, держав в традиционном понимании. Мировое сообщество

¹ Петровский В.Ф. Указ. соч. — С. 3.

начинало тяготеть, соскальзывать к новой структуре гегемонии, которая необязательно приобретет традиционные формы доминирования группы более сильных держав над более слабыми.

По мнению А.М. Салмина, «глобальная надстройка» послевоенного времени начала трансформироваться в ответ на вызовы меняющегося мира. В этих условиях становилось особенно важным изучение реальной экономической, культурной и социальной структуры мира как целого, как системы, не равной сумме ее составляющих, а включающей в себя подсистемы, обладающие собственной «полнотой».

Развенчивая иллюзии относительно стабилизирующего влияния глобального подхода, ученый утверждал, что тенденции, которые рассматривались как ведущие к «единству мира», столько же укрепляют стабильность, сколько и расшатывают ее. Перенос центра тяжести на более высокий — наднациональный — уровень сопровождается самоутверждением различных этнических и лингвистических общностей, входящих в состав государства. На сцену выходят новые, хорошо забытые старые этносы, новые социальные классы, новые экономические силы, появляются новые мнения и иллюзии¹.

Если сторонники концепции «нового политического мышления» смотрели в будущее с оптимизмом, то их оппоненты — с тревогой. Отмечалось, что мир не стал более целостным, он стал другим, геополитически его карта изменилась впервые с тех пор, как она определилась в общих чертах в период между Версалем и Потсдамом. Предсказывалось ослабление Советского Союза и его влияния в мировых делах, а следовательно, критически расценивались перспективы реализации программы создания новой системы международных отношений при его решающем участии.

Отстаивая новый подход к решению международных проблем, авторы и сторонники концепции «нового политического мышления» стремились не просто удивить мир передовыми идеями, а добиться уступок со стороны США и стран Запада в решении тех вопросов, от которых зависела судьба перестройки в СССР. Поэтому военные вопросы — ослабление гонки вооружений и их сокращение, весь комплекс проблем безопасности, оста-

¹ Салмин А.М. «Конвергенция» и стратегическая стабильность // Мировая экономика и международные отношения. — 1990. — № 1. — С. 66-73.

вавшиеся в годы холодной войны в центре двусторонних отношений, — были центральными на переговорах советских и американских руководителей.

Было ли у американской стороны понимание важности происходивших в СССР процессов, в его политике, в мире? Было ли у США стремление поддержать советские инициативы на равных уровнях, согласиться на «дуэт» в реконструкции мира? Как показали признания американских политических деятелей в опубликованных мемуарах, а также работы американских историков и политологов, инициативы СССР выслушивались, делались громкие декларативные заявления, но позиция оставалась истинно американской: Советский Союз отступает, побеждает западная демократия, и такое развитие событий закономерно.

Один из самых обстоятельных американских авторов, специалист по Советскому Союзу и России Р. Гартофф в фундаментальном труде «Великие перемены» верно подметил, что М.С. Горбачев, не получая ожидаемого ответа Запада на свои предложения, выступал со все новыми инициативами, граничившими с односторонними уступками. Описывая встречу советского лидера и президента Р. Рейгана 29 мая — 2 июня 1988 года в Москве, он отмечал, что Рейган хотел произвести впечатление на советских людей, выступить в качестве посланца Америки. М.С. Горбачев хотел иного: он рассчитывал на конструктивные переговоры, надеялся на решение конкретных задач. Члены американской делегации были очень удивлены настойчивостью советского президента, который делал большую ставку на поддержку нового политического мышления со стороны США. Вместо этого Р. Рейган попросил президента СССР передать советским людям, что американский народ и он лично как президент США испытывают к ним самые дружеские чувства. А оценивая результаты встречи, американский президент заявил, что в ходе визита удалось «убить несколько драконов и продвинуться в борьбе со злом за мир и свободу человечества»¹.

М.С. Горбачев был разочарован: он понял, что не удастся добиться качественных сдвигов в отношениях с Западом без новых важных инициатив. За этим последовали его знаменитое вы-

¹ Garthoff R. The Great Transition. American-Soviet Relations and the End of the Cold War. — Wash., D.C., 1994. — P. 351.

стужение в декабре 1988 года на сессии Генеральной ассамблеи ООН и встреча на Мальте с президентом Дж. Бушем в декабре 1989 года, в ходе которой была достигнута договоренность о продолжении переговоров по дальнейшему сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ-2), химического оружия и обычных вооружений в Европе (ОВСЕ). На Мальте М.С. Горбачев заявил, что «эпоха холодной войны заканчивается и мир вступает в новую эпоху»¹. 24 декабря 1990 года журнал «Тайм» объявил его «Человеком десятилетия», после того, как в 1988 году он был назван «Человеком года»².

Результаты политики СССР в 1985–1990 гг. (прежде всего в сфере безопасности) получили разное толкование после распада СССР. С резкой критикой политики М.С. Горбачева выступили представители консервативной (левой) оппозиции, которые считали, что она привела к развалу страны, положила начало одностороннему разоружению, обеспечила военное превосходство США и подорвала обороноспособность СССР³. В частности, были названы следующие факты, свидетельствовавшие о «капитулянтской позиции перед Западом»:

1. В 1986 году в Рейкьявике советская сторона согласилась сократить на 50% только стратегические наступательные вооружения, не включив в их состав американские ракеты средней дальности и ядерные средства передового базирования, достигавшие территории СССР и являвшиеся по существу стратегическими средствами. Был снят вопрос о ядерных средствах Англии и Франции, направленных на объекты на территории СССР;

¹ Состояние советско-американских отношений и действия М.С. Горбачева вызывали тревогу у ряда ученых и политиков. Так, Анат. А. Громько в весьма резкой форме охарактеризовал советско-американскую встречу на Мальте: «Политический и дипломатический Чернобыль в советской внешней политике произошел 2-3 декабря 1989 года на Мальте. Здесь состоялась советско-американская встреча в верхах, получившая прозвище “морская болезнь” (seasick summit) ... При ее подготовке и проведении Горбачевым были нарушены почти все “золотые правила” дипломатии, выбиты многие поддерживающие советскую внешнюю политику опоры. Буш и Бейкер манипулировали Горби, как хотели. До распада СССР оставалось два года. К этому привели ошибки, совершенные Горбачевым в 1988–1989 годах» /Громько Анат. А. Указ. соч. — С. 190.

² Garthoff R. Op. cit. — P. 357-408.

³ День. № 12. — 1992, 22-28 марта.

2. В 1990 году Москвой был принят такой порядок подсчета ядерных крылатых ракет воздушного базирования, который давал США преимущество в 1000 единиц;

3. В 1987 – 1989 гг. СССР и страны Организации Варшавского договора согласились считать предметом переговоров обычные вооружения и технику, расположенную на суше, вместо предложения Генерального штаба СССР о сокращении вооруженных сухопутных войск и фронтовой (тактической) авиации;

4. В угоду Западу Закавказский военный округ был включен в разряд районов применения договора, хотя он не имел отношения к Европе. В то же время из сферы применения Договора о сокращении ракет средней и меньшей дальности (РСМД) исключили часть Турции, сопредельную с Ираком, Ираном, Сирией;

5. Во время подготовки Договора РСМД президент СССР М.С. Горбачев без консультации с военными дал согласие на уничтожение оперативно-тактической ракеты «Ока», дальность которой была в пределах 400 км, т.е. не входила в рамки договора. Боевой мощи страны был нанесен непоправимый ущерб, пущены на ветер 4 млрд. рублей¹.

Что касается большей части российских либералов, то они сохранили мнение, что инициативы и действия советского руководства оказали позитивное влияние на мировое развитие, способствовали смягчению международной напряженности, окончанию холодной войны, создали предпосылки для качественного преобразования международных отношений, изменения подходов к решению проблем безопасности. Делался акцент на том, что внутренний кризис, приведший к распаду СССР, не позволил реализовать предлагавшуюся модель, актуальность которой не утрачена.

Не умаляя значения советско-американского сближения (жить далее в жесткой конфронтации было невозможно), следует отметить, что концепция «нового политического мышления», задуманная как всеобщая, с расчетом на то, что она будет принята и другими странами, прежде всего США, осталась советской концепцией и не принесла Советскому Союзу ожидаемых результатов. Зато была с наибольшей выгодой использована американским руководством. Все достижения Запада были закреплены в договорах, но какие-либо гарантии для СССР в подписанных документах от-

¹ День. № 23. – 1992, 7-13 июня.

существовали. Именно это позволило многим западным политикам заявить, что Советский Союз капитулировал в холодной войне.

Авторы советской глобальной концепции преувеличили возможности СССР и степень готовности (и желание) США пойти на широкомасштабное и качественно новое сотрудничество. Советские идеи по реконструкции мирового порядка оказались не востребованными, но мысли, высказанные советскими учеными и политиками в 1980-е годы, с особой актуальностью зазвучали вновь через десять лет после исчезновения государства, которое они хотели реформировать.

Можно сказать, что мышление советских политиков и ученых, предлагавших радикально пересмотреть подходы к обеспечению международной безопасности, в целом к системе межгосударственных отношений, опережало время и выдвигавшиеся ими идеи и предложения не совпадали с видением мирового порядка и роли в нем США у американских политиков и специалистов по международным отношениям. Основной целью американской политики оставалось обеспечение национальной безопасности любыми средствами и возврат к положению в мире, при котором Соединенные Штаты являются неоспоримым лидером (гегемоном).

Американские оценки международной ситуации во второй половине 1980-х годов

Установление активного диалога между политическими лидерами и представителями академического сообщества сверхдержав было позитивным фактором после сложного периода двусторонних отношений в первой половине 1980-х годов, близкого к кризису. Новый формат взаимодействия был определен как «прорыв» (breakthrough), «новая разрядка». Однако результаты этого «прорыва» оказались неодинаковыми для СССР и США. Большая часть американской политической элиты была не готова принять модель развития двусторонних и международных отношений, предложенную Советским Союзом. Думается, что советские идеологи нового мышления не учли одного важного факта: если советское руководство считало возможным частично поступиться внешнеполитической идеологией, то у американского руководства аналогичных побуждений не было. В Вашингтоне в инициативах СССР усматривали проявление слабости, неспособ-

ность поддерживать паритет с США и сохранять статус второй сверхдержавы, оценивали ситуацию как благоприятную для победы Соединенных Штатов и Запада в холодной войне.

Г. Киссинджер назвал Р. Рейгана политиком «американо-утопического» типа, верившего, что советский лидер, увидев чудесную жизнь в США, осознает ошибочность коммунистической идеологии, ложный характер советских концепций и истинный характер Америки, и это приведет к эре примирения. Американский лидер собирался добиваться достижения этой цели посредством самой непримиримой конфронтации, и, по определению Киссинджера, «стал первым послевоенным президентом, предпринявшим наступление одновременно идеологическое и геостратегическое»¹.

Риторика первого срока пребывания Рейгана на посту президента (1981 – 1984 гг.) означала официальное окончание периода разрядки. Целью Америки становилось уже не ослабление напряженности, но крестовый поход и обращение противника в свою веру. Рейган был избран как многообещающий носитель воинствующего антикоммунизма и остался верен этому до конца. Американский президент преследовал две цели: во-первых, противодействовать советскому геополитическому давлению, пока процесс экспансионизма не будет остановлен, а затем обращен вспять; и, во-вторых, начать программу перевооружения, предназначенную для того, чтобы пресечь советское стремление к стратегическому превосходству. «Стратегическая оборонная инициатива» Рейгана, критиковавшаяся в США за техническое несовершенство, была достаточно серьезно воспринята в СССР. Сам Рейган не скрывал, что предложил ее вовсе не из стратегических соображений, а из стремления добиться осуществления либеральных идей по ликвидации ядерной войны как таковой. Такой подход предусматривал прежде всего ослабление советской угрозы и принуждение СССР к уступкам в вопросе сокращения вооружений².

Как отмечал Г. Киссинджер, Р. Рейган сумел полностью использовать «миф о космической обороне» для достижения договоренностей с СССР. Согласно оценке политики М.С. Горбачева, данной Г. Киссинджером, «коммунизм начал отступать» по всем

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. Пер. с англ. — М., 1997. — С. 703.

² Там же. — С. 711. См. также: Cannon L. President Reagan. The Role of a Lifetime. — N.Y., 2000. — P. 275-279.

направлениям: в декабре 1988 года президент СССР перестал стремиться к достижению долгосрочных выгод, которые были у него почти в руках; он отступил, принявшись за одностороннее сокращение советских вооруженных сил. В программной речи в ООН 7 декабря 1988 года М.С. Горбачев объявил об их одностороннем сокращении на 500 тыс. человек и 10 тыс. танков, включая половину танков, противостоящих НАТО. Остальные силы, находившиеся в Центральной Европе, подлежали реорганизации для превращения их в оборонительные. Стремясь умиротворить Китай, М. С. Горбачев объявил о выводе значительной части советских вооруженных сил из Монголии. Указанные действия были оценены на Западе как односторонние, хотя М. С. Горбачев надеялся на ответные шаги со стороны США и европейских стран¹.

Наиболее откровенно об американской политике в отношении СССР писал в конце 1980-х годов влиятельный консервативный политолог З. Бжезинский. Он продолжал отстаивать положение о нелегитимности ялтинско-потсдамских соглашений, заявляя о необходимости продолжить непримиримую политику США для исправления ошибок Ялты. В частности, он писал следующее: «Советский Союз — слишком сильный, чтобы не быть соперником, и в то же время, слишком слабый, чтобы быть партнером, — не может рассматриваться как серьезный участник конструктивного преобразования мира. Его системные интересы диаметрально противоположны стремлению США сохранить статус-кво в мире, где Москва не может доминировать, но может подорвать существующий порядок»².

В то время, когда М.С. Горбачев выступил с новой глобальной программой, осуществление которой предполагало равноправное участие сверхдержав, З. Бжезинский писал о том, что только действия Запада в итоге определяют характер окончания так называемого исторического сосуществования двух систем, возлагал на Соединенные Штаты ответственность за то, станет ли мир гармоничным или вступит в полосу глобальной анархии.

В книге «Великий провал», З. Бжезинский предсказал распад СССР. Среди причин распада политолог видел не только

¹ Киссинджер Г. Указ. соч. — С. 721.

² Brzezinski Zb. In Quest of National Security. — Boulder (Col.), 1988. — P. 206-207.

крах советской идеологии, кризис советской экономической и политической системы, но и невозможность реформировать Советский Союз, в том числе по китайской модели. Препятствием для этого он называл существование в СССР культурных, религиозных, национальных различий, которые обострились в советский период и были дополнены устремлениями новых национальных элит советских республик к большей независимости от центра. Отмечалось и наличие серьезных центробежных тенденций в социалистическом лагере – среди стран Центральной и Восточной Европы, к которым он причислял и страны Балтии, поскольку они никогда не признавались Соединенными Штатами частью СССР¹.

Взгляды Бжезинского, призывавшего американское руководство к последовательности и динамизму в осуществлении поставленных задач и приверженности идеям преобразования мира, вполне логично вписывались в традиционную глобальную стратегию США, в ходе реализации которой «неожиданным и временным препятствием» встал Советский Союз. В середине 1980-х годов новое советское мышление столкнулось с традиционным американским мышлением, существовавшим со времен «отцов-основателей». Оно было ориентировано на доминирование США в мире, решительную борьбу за торжество американских идеалов и интересов.

Немногие американские специалисты-международники высказывали близкие к советским взгляды на состояние международных отношений в конце 1980-х годов и перспективы сверхдержавного взаимодействия в новых условиях. К сторонникам точки зрения о необходимости одновременного пересмотра роли и СССР и США в мире и разработки новых норм глобального соревнования принадлежал известный теоретик А. Джордж. Он не скрывал того, что большинство американских политиков и внешнеполитических экспертов весьма пессимистично оценивали перспективы выработки общих принципов и норм двустороннего взаимодействия и предотвращения конфликтов. Их также более не устраивали положения Соглашения об основах отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами (Basic Principles Agreement), подписанного Л.И. Брежневым и Р. Никсоном в 1972 году, среди

¹ Brzezinski Zb. *The Grand Failure*. – Boulder (Col.), 1989.

которых были следующие: мирное сосуществование, равноправные отношения, взаимный учет сдерживающего фактора во внешней политике, отказ от получения односторонних выгод путем нанесения ущерба интересам другой стороны.

А. Джордж писал в 1988–1989 гг., что, несмотря на очевидные сложности, СССР и США придется пересмотреть концепции глобальной роли, свои глобальные амбиции, теории международной безопасности, так как к этому их подталкивали горькие уроки дорогостоящей политики в третьем мире, издержки гонки вооружений, ограниченность экономических ресурсов для поддержания глобальной роли. Политолог выразил надежду на то, что одна из держав (США) не воспользуется сложностями в развитии другой державы (СССР) и что действия по ограничению геополитической активности будут взаимными и двусторонними отношения будут иметь характер сотрудничества¹.

Сходные мысли о завершающем этапе холодной войны позднее высказал и известный историк Дж. Гэддис. Он достаточно верно, на наш взгляд, написал о тектонических сдвигах в международных отношениях, выделил ряд факторов, без учета которых, по его мнению, было невозможно планировать политику сверхдержав и прогнозировать мировое развитие: изменились критерии великодержавности; идея авторитаризма оказалась несовершенной по сравнению с либеральной моделью развития; стала непопулярной модель силового решения проблем, как внутри страны, так и в мировых делах.

Дж. Гэддис отметил, что в годы холодной войны в основе сверхдержавности было военное могущество СССР и США и возможность силового (военного) воздействия в случае возникновения конфликта. Экономика сверхдержав была подчинена военным задачам. После окончания холодной войны, которое Дж. Гэддис определил 1989 годом, когда был достигнут компромисс по Германии, последовавший за подписанием Договора о ракетах средней и меньшей дальности в Европе (РСМД) в 1987 году, ситуация изменилась. Военный фактор перестал играть решающую роль, стала очевидной бесполезность накопления огромных арсеналов ядерного оружия, невозможность решения

¹ George A. The Search for Agreed Norms /Windows of Opportunity. Op. cit. – P. 57-64.

многих международных проблем с помощью оружия, в первую очередь, ядерного; по-новому высветилась роль экономического и научно-технического факторов в развитии государств.

Изменившаяся ситуация, считал Дж. Гэддис, требовала более рационального подхода к использованию военной силы для достижения разумных целей, можно было предположить, что начнется симметричный упадок сверхдержав — СССР и США, могущество которых росло в годы холодной войны с опорой на военную силу. Однако, произошло непредвиденное: Советский Союз добровольно отступил, отказался от статуса сверхдержавы (и распался), а Соединенные Штаты решили продолжить путь сверхдержавы, опираясь на военную и экономическую мощь, либеральные идеи и силу¹.

Отдельные сторонники мнения об одновременном упадке сверхдержав (в советской версии — исчезновение сверхдержав) говорили о том, что пришло время заявить об окончании соперничества между сверхдержавами, приступить к демонтажу структур, созданных в годы холодной войны (НАТО), и строить отношения с СССР на новой основе сотрудничества. Однако указанная точка зрения не нашла отклика среди большей части представителей американского политико-академического сообщества. Авторитетный политолог Г. Аллисон назвал такие оценки состояния и перспектив советско-американских отношений фантазиями и заявил, что этот взгляд на происшедшее, взятый в качестве основы для будущей политики, может привести лишь к разочарованиям. Он предложил дать реалистическую оценку происшедшему, институционализировать новую базу для мирного соревнования, проверить на практике инициативы Горбачева, посмотреть, какие выгоды получит не только СССР, но и Запад, от реализации советских предложений в сфере безопасности².

О происходивших сдвигах в международных отношениях интересно, на наш взгляд, писал известный неоконсервативный политолог Дж. Най. Согласно его точке зрения, к концу 1980-х годов в мире сложилась ситуация, при которой Соединенные Штаты и Советский Союз все еще сохраняли рычаги давления на дру-

¹ Gaddis J. The United States and the End of the Cold War. — Oxford-N.Y., 1992. — P. 156-157.

² Allison G. Windows of Opportunity /Windows of Opportunity. Op. cit. — P. 309-312.

гие страны, но уже в гораздо меньшей степени — на систему в целом, им стало труднее в одностороннем порядке обеспечивать себе те позиции, которые они хотели бы занимать; все государства столкнулись с возросшей ролью частных субъектов на транснациональном и внутреннем уровне, с ростом экономической и экологической взаимозависимости и расширившимся списком проблем, стоявших на повестке дня мировой политики.

Дж. Най высказал мысли, сходные с тем, о чем в это же время писали и говорили советские ученые и политики: с точки зрения традиционных военных потенциалов США и СССР оставались сверхдержавами; продолжала существовать международная система, в которой структура и распределение силы являлись результатом традиционных целей, средств и стратегий государств. Однако по мнению политолога, хотя военная сила, особенно ядерная, в своем распределении оставалась преимущественно биполярной, все больше проявляло себя иное распределение мощи — иные силовые структуры — в иных проблемах мировой политики. Можно было говорить о «полиархии», при которой национальные государства, субнациональные группы и транснациональные специфические интересы и сообщества будут соперничать в обеспечении себе поддержки и лояльности со стороны отдельных лиц, и конфликты должны будут решаться в первую очередь на основе договоренностей *ad hoc*, в изменяющемся контексте силовых соотношений; распределение силы становится многополюсным¹.

Еще раньше на аналогичную тему писал авторитетный политолог С. Хоффман, отмечавший, что к началу 1980-х годов мир (мировой порядок) следовало рассматривать с учетом следующих факторов. Во-первых, сложилась заметная асимметрия между акторами международных отношений: лишь немногие страны могли рассматриваться как полноценные центры силы (*full powers*) со всеми атрибутами (военным, экономическим, геополитическим и т. п.), в то время как большинство государств располагали только одним из этих атрибутов, что позволяло им участвовать (иметь голос) в той или иной региональной организации. Асимметрия отличала и отношения сверхдержав: экономическая слабость Советского Союза, закрытость советской экономики сочетались с ко-

¹ Най Дж., мл. Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика // США — экономика, политика, идеология. — 1989. — № 12. — С. 73-77.

лоссальной военной мощью и другими атрибутами сверхдержавы. Во-вторых, по мнению С. Хоффмана, происходила серьезная трансформация (разрушение) иерархической структуры международных отношений: сверхдержавы не всегда могли использовать свое положение и мощь в полном объеме из-за риска столкновения (прямого или косвенного), невозможности прийти к соглашению или использовать традиционную мощь для разрешения региональных кризисов, из-за появления у клиентов сверхдержав возможности манипулировать их действиями при решении тех или иных проблем¹.

Подметив факт «эрозии» сверхдержавности, а вместе с этим и существовавшего мирового порядка, основанного на биполярности и институтах и установлениях, существовавших с окончания Второй мировой войны, С. Хоффман видел выход из сложного и противоречивого периода в отношениях между СССР и США в совместном поиске решения общих проблем, а не в продолжении непримиримой борьбы и установлении американской гегемонии.

Взгляд С. Хоффмана на состояние международных отношений, а также точка зрения Дж. Ная относительно многополюсного характера мира не принимались большинством американского внешнеполитического сообщества в конце 1980-х годов. Не очень популярными они оставались и в 1990-е годы, однако следует признать, что в XXI веке поставленные политологами вопросы не утратили актуальности, а утверждения о сокращении возможностей сверхдержавы оказывать влияние на систему в целом сохраняют свою актуальность.

Отдельные американские специалисты по международным отношениям пытались посмотреть на изменения, происходившие в мире, шире, а не только через призму отношений между сверхдержавами. В 1989 году была опубликована статья Ф. Фукуямы «Конец истории?», в которой автор объявил о «триумфе Запада, западной идеи из-за полного крушения всех альтернатив западному либерализму». Политолог сделал вывод о том, что «наступил не просто конец холодной войны или какого-то особого этапа послевоенной истории, а конец истории как таковой, т.е. конечный пункт идеологической эволюции человечества и универсали-

¹ Hoffmann S. Dead Ends. American Foreign Policy in the New Cold War. — Cambridge (Mass.), 1983. — P. 246-247.

зация западной либеральной демократии как конечной формы управления человеческим обществом»¹.

Такой вывод оставлял мало надежды для советских теоретиков, пытавшихся реформировать СССР и систему международных отношений, а также для тех американских и советских ученых, которые думали о том, чтобы свести сверхдержавы на уровень равноправного взаимодействия и бесконфликтного соревнования при сохранении существовавших различий. Последовавшие сначала в 1990-е годы, а затем в начале XXI века события в мире отодвинули конец истории и триумф западной либеральной модели на более отдаленный и неопределенный срок. А в тогдашней полемике с Ф. Фукуямой один из его оппонентов, авторитетный советский специалист по международным отношениям В.А. Кременюк назвал выводы американского политолога скоропалительными и неточными. Он отметил, что в холодной войне главный враг — не соперник в борьбе за политическое влияние, а опасность непредвиденного развития событий, в равной мере угрожавшая обеим сторонам, поэтому понятие победы в холодной войне расшифровывается прежде всего как избежание случайного возникновения войны, в чем обе стороны преуспели². Впоследствии этот верный, на наш взгляд, подход к оценке происходивших процессов в отношениях сверхдержав и в мире был забыт большинством американских политологов и политиков и многими российскими специалистами-международниками, и при оценке результатов холодной войны принимался во внимание только один факт — распад СССР, что было приравнено к поражению Советского Союза в противостоянии с Западом.

Объединение Германии в 1990 году рассматривалось не только как событие, ознаменовавшее окончание холодной войны, но и как начало разрушения стабильного биполярного мирового порядка. По мнению политологов Ч. Кегли и Г. Реймонда, к концу 1980-х годов наметилась тенденция к расшатыванию основ созданного СССР и США после Второй мировой войны жесткого порядка, в рамках которого кодекс поведения государств требовал

¹ Фукуяма Ф. Конец истории? Пер. с англ. //США — экономика, политика, идеология. — 1990. — № 5. — С. 39-40.

² Кременюк В.А. Конец или начало истории? //США — экономика, политика, идеология. — 1990. — № 5. — С. 55-56.

от них строгого выполнения обязательств по заключенным соглашениям и принципам деятельности созданных блоков. Политологи отмечали, что в период холодной войны блоковые структуры были в высшей степени институционализированы, т.е. стали прочными международными образованиями в рамках биполярной структуры, которая делила мир на две жесткие и внутренне сплоченные коалиции. Стабильность военных блоков и отношений между ними обеспечивалась политикой сверхдержав, стремившихся сохранить контроль в основных группировках государств, находившихся под их влиянием, в системе в целом и на региональных направлениях (среди стран, тяготеющих к одному из двух блоков), предотвратить образование иных союзов.

Ч. Кегли и Г. Реймонд полагали, что начались процессы дестабилизации международных отношений. В стремлении стран освободиться от жестких обязательств, существовавших в сфере безопасности, при одновременном расширении взаимозависимости и появлении определенных обязательств в экономической области, авторы видели отражение процессов глобализации¹. Это же отмечали и другие специалисты в области безопасности. Так, авторитетные политологи К. Грей и К. Лейн обращали внимание на то, что в результате происходивших сдвигов в международных отношениях начала ослабевать монолитность Североатлантического альянса и его члены не считали преимущества, которые им давало членство, исключительными. По их мнению, существовала угроза распада блока². Аналогичные процессы ослабления контроля со стороны лидера по отношению к союзникам имели место и в Организации Варшавского договора. Это беспокоило советских политиков и экспертов, считавших, что в случае сохранения ОВД от Советского Союза потребуется существенная перестройка деятельности организации, изменение ее структуры и принципов, на основе которых она функционировала.

Ч. Кегли и Г. Реймонд пришли к весьма неутешительному выводу о повышении уровня неопределенности в мире. Сравнивая ослабление биполярной структуры мирового порядка к концу

¹ Kegley Ch., Jr. and Raymond G. When Trust Breaks Down. Alliance Norms and World Politics. — Columbia (S. Ca.), 1990. — P. 266-280.

² См.: Layne Ch. Atlantism without NATO //Foreign Policy. — № 67 (Summer 1987). — P. 22-45; Gray C. NATO: Time to Call It a Day //The National Interest. — № 10 (Winter 1987-88). — P. 13-26.

1980-х годов, «рассеивание» политического, военного и экономического влияния и вырисовывавшиеся контуры многополярного мира с международной ситуацией перед Первой мировой войной, они делали неутешительный вывод: в перспективе возможно начало третьей мировой войны. Единственным выходом из складывавшейся ситуации политологи видели возврат к прежним подходам — соблюдению договорных норм и обязательств, из-за отсутствия или слабости которых начало военного конфликта представлялась более вероятным: «Государства обращаются к мечу в том случае, когда они изменяют своему слову (обещаниям или обязательствам). Лидеры государств стараются не давать необдуманных обещаний, но если они были даны, их следует уважать и сохранять им приверженность»¹. Тревоги этих авторов предвосхищали последовавшие события, когда США, избрав силовой метод урегулирования международных проблем, приступили к формированию нового мирового порядка с позиции единственной сверхдержавы, без учета интересов России и других стран.

* * *

Поставленные в конце 1980-х годов учеными СССР и США вопросы о глобализации международных отношений, о необходимости пересмотра традиционных подходов к решению мировых проблем, о важности взаимодействия как ведущих мировых держав, так и других участников мирового процесса в конструировании нового мирового порядка утратили важность для Соединенных Штатов после распада СССР. Рассуждения о росте взаимозависимости в мире были на время забыты американскими политиками и учеными: первые начали проводить традиционную силовую политику, но уже в отсутствие какого-либо внешнего сдерживающего фактора, каковым был Советский Союз, а вторые занялись идейным обеспечением такой политики и теоретическим обоснованием однополярности.

Наметившийся в конце 1980-х годов идейный прорыв в двусторонних отношениях, несомненно позитивный, хотя и не без противоречий, не был до конца реализован. Соединенные Штаты исходили из того, что право на создание нового порядка принад-

¹ Kegley Ch., Jr. and Raymond G. Op.cit. — P. 280.

лежит сверхдержаве-победителю, с могуществом которой не могут сравниться другие члены группы победителей (Запад). Советский Союз, как держава, слабеющая и сдававшая сильные позиции, не мог претендовать на роль «мирового конструктора» и право остаться на одном с США уровне. Положение о том, что век сверхдержав уходит в прошлое и обеим сверхдержавам следует добровольно отказаться от этого статуса, т.е. отойти от политики определяющего (принудительного) регулирования международных отношений, теоретически верное, на наш взгляд, в практическом плане было выгодно только СССР, но вряд ли было приемлемо для США. Оно не вписывалось в традиционную американскую глобальную стратегию, миссию по устройству мира в соответствии с американским (западным) видением.

Пиком советско-американского взаимопонимания, неравноправного и асимметричного соучастия в управлении миром, которое было главным итогом дипломатии 1985—1991 гг., стала позиция СССР во время войны в Персидском заливе в начале 1991 года. Как отметили некоторые российские политологи, хотя Советскому Союзу отводилась роль, отличавшаяся от его положения в доперестроечные времена, он продолжал сохранять роль ключевого партнера США, без которого мировое управление казалось невозможным. Советско-американское взаимодействие по-прежнему играло преобладающую роль. Однако заработать этой модели было не дано. С исчезновением СССР авторитарное двухдержавное управление миром рухнуло. Но прочнее от этого международная стабильность не стала. Напротив, мировая система стала быстро сползать к дерегулированию¹.

Российская Федерация, хотя объявила себя правопреемницей СССР, не рассматривалась США ни геополитическим, ни идейным партнером в постбиполярном мире. И только через десять лет, уже в новом столетии, Соединенным Штатам пришлось вернуться к решению вопросов, от которых они ушли с исчезновением второй сверхдержавы: кто и как все-таки регулирует международные отношения, как и под чьим руководством происходит складывание нового мирового порядка.

¹ Этап за глобальным. Либеральный национализм во внешней политике России / Отв. ред А.Д. Богатуров. — М., 1994. — С. 7.

Раздел 2. Дискуссии в политико-академических кругах России и США о новом мировом порядке

После распада СССР – сверхдержавы, которая оформляла и поддерживала ялтинско-потсдамский порядок, правомерно был поставлен вопрос о том, можно ли говорить о конце этого порядка, в основе которого была биполярная система международных отношений, и о начале формирования новой системы. В настоящей работе мы не ставили задачу представить свою теорию мирового порядка, наша цель – показать, как проблема мирового порядка решается отдельными российскими и американскими специалистами по международным отношениям. Предваряя анализ, представляется необходимым отметить следующее.

1. Большинство ученых, как российских, так и американских, говоря о новом мировом порядке, не дают определения порядка вообще или нового порядка, наступившего после окончания холодной войны, в частности. Авторы используют категории «мировой порядок», «мир», «миросистема» (или мировая система), «система международных отношений» как синонимы. Часто речь идет не о порядке в целом, а об отдельных его составляющих: структуре международных отношений, международных институтах и организациях, регулирующих межгосударственные отношения, нормах, определяющих поведение государств, деятельность одного или группы акторов мировой политики.

Проводя сравнительный анализ взглядов российских и американских специалистов по международным отношениям, мы берем за основу определение мирового порядка, предложенное авторитетным российским специалистом в области теории международных отношений А.Д. Богатуровым. Под порядком он понимает систему межгосударственных отношений, регулируемых совокупностью принципов внешнеполитического поведения (1); согласованных на их основе конкретных установлений (2); набора признаваемых моральными и допустимыми санкций за их нарушения (3); потенциала уполномоченных стран или институтов эти санкции осуществить (4); политической воли стран-участниц этим потенциалом воспользоваться (5)¹.

¹ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995). – М., 1996. – С. 40.

2. Основные дискуссии ведутся о структуре международных отношений, о полярности системы (количество полюсов) после распада биполярной структуры.

Американские политологи оперируют, как правило, двумя категориями — «однополярность» (unipolarity) и «многополярность» (multipolarity), при том, что последняя большинством или не признается вообще, или не принимается в трактовке, предлагаемой российскими специалистами. В российском варианте акцент делается на факте участия разных полюсов — центров силы в мирорегулировании. Большинство американских политологов не отождествляют категории «полюса» (polar) и «центра силы» (world/great power — центр силы глобального уровня, regional power — центр силы регионального уровня). Полюсу в большинстве случаев отводится более высокий сущностный и организационный статус в международных отношениях. Лишь отдельные ученые сопоставляют многополярность с состоянием международных отношений, когда действует «концерт великих держав» (ведущих центров силы), среди которых США остаются самым сильным и влиятельным.

Характеризуя современную систему международных отношений, российские ученые пишут о системе как об однополярной, многополярной, полутораполярной, одно-многополярной, многополюсной, двухполюсной, бесполюсной, полицентричной, смешанной (комбинированной). Под полюсом, как правило, понимается центр силы, обладающий определенной мощью (военной, экономической, политической и т.д.) и желанием (волей) и способностью (потенциалом) регулировать мировые процессы. Понятия «многополярный» и «многополюсный» используются как тождественные. Отдельные российские ученые, как и их американские коллеги, считают это не совсем точным, так как «полярность» — калька с американского «polar» не тождественна «полюсности», где полюс скорее соответствует центру силы. Учитывая терминологические сложности и противоречия, ряд специалистов пытаются отойти от категории «полярность» и предлагают иные критерии для характеристики мирового порядка.

Полемика о том, что более верно отражает характер формирующегося порядка, продолжается, и в задачу данной работы как раз входит показать, как отдельные аналитики решают (или не решают) понятийную и сущностную проблему.

Мы сохраняем терминологию, предложенную авторами и принятую в официальных внешнеполитических документах.

3. При решении вопроса о полярности мира так или иначе обсуждается тема лидерства/гегемонии США: содержание, направленность, перспективы, влияние на формирование мирового порядка. Было бы логичным рассмотреть дискуссии о глобальной роли США в данном разделе. Однако, в силу того, что американские теоретики уделяют этому вопросу особое внимание, а также из-за объема материала, посвященного этой проблеме, мы выделили эту тему в отдельную главу.

Структура мира после распада СССР

В конце 1980-х годов в силу того, что было замечено ослабление конфронтационного противостояния между двумя сверхдержавами и сплоченности внутри каждого из двух военных блоков, высказывались предположения относительно грядущей многополярности. После распада СССР у российских ученых сохранялось мнение, что разумное взаимодействие всех ведущих держав мира, включая Россию, будет определять мировое развитие.

В России на эту тему раньше других написал один из ведущих специалистов в области международных отношений С.М. Рогов. В 1992 году он отмечал, что мир возвращается к нормальному состоянию, так как исторически многополярная система международных отношений была типическим случаем, нормой, а биполярность — исключением из правила. При этом политолог утверждал, что, согласно широко распространенному мнению, на смену силовому противостоянию периода холодной войны должен прийти баланс интересов всех участников мировой политики, однако история не знает примеров стабильности многополярной системы международных отношений на основе баланса интересов всех входящих в эту систему государств в течение длительного времени. Взаимодействие национальных интересов государств носит разнообразный характер — их векторы могут совпадать, быть параллельными, расходиться и прямо сталкиваться. Результатом взаимодействия интересов могут быть войны, а могут быть и союзнические отношения в борьбе с общим противником. С.М. Рогов высказал мысль, что возвращение системы международных отношений в свое естественное состояние не дает

оснований для оптимизма, поскольку многополярный мир весьма сложно сохранять долго в стабильном состоянии. Исчезновение с карты мира одной из двух сверхдержав придало обвальный характер начавшейся ранее эволюционной трансформации системы международных отношений. И это вовсе не означает, что был установлен новый мировой порядок, скорее можно говорить о возникновении «нового мирового беспорядка»¹.

Согласно высказанной выше точке зрения, правомерность которой признавали многие российские политики и эксперты уже в 1992 году, мировая система не стала более стабильной, и ей пришлось столкнуться с тремя вызовами: последствиями распада СССР; неопределенной ролью новых «центров силы» — Германии, Китая, Японии, в перспективе — Индии и Бразилии, отдельных стран Ближнего Востока; с обострением противоречий между промышленно развитым Севером и отсталым Югом.

Идея глобального кризиса была характерна для ряда публикаций периода 1992—1995 гг., носивших подчас весьма эмоциональный, апокалипсический характер, в которых распад Советского Союза рассматривался как событие драматическое и эпохальное. Отдельные авторы усматривали в этом событии начало «сокрушительных перемен» в мире, в геополитической ситуации вокруг России. Высказывалось мнение, что в мире произошла настоящая геополитическая катастрофа, которая, как и ее последствия, не осознаются полностью.

Академик Э.А. Поздняков писал, что Россия, огромные пространства бывшего Советского Союза и Европа оказались в центре этих изменений. По его мнению, значение развала СССР и системы социализма, а также объединения Германии выходит далеко за рамки обычных представлений о международных отношениях, а кардинальный сдвиг в мировом балансе сил есть первый, но не последний результат происходящих геополитических изменений². Считая, что мировая стабильность во многом определялась биполярным балансом сил, Э.А. Поздняков высказал предположение, что в связи с объединением Германии, развалом Советского Союза и крушением системы социализма, умерло европейское

¹ Рогов С.М. Россия и США в многополярном мире //США — экономика, политика, идеология. — 1992. — № 10. — С. 3-14.

² Поздняков Э.А. Геополитический коллапс и Россия //Международная жизнь. — 1992. — № 8-9. — С. 5-15.

сообщество. Возникла принципиально иная геополитическая ситуация в Европе, в Евразии и в мире, в которой нет места ни западноевропейской, ни восточноевропейской интеграции в обозримом будущем. Наступила пора дезинтеграционных процессов, выросла вероятность территориального передела мира, его ресурсов и стратегических рубежей.

О нестабильности грядущего мирового порядка особенно эмоционально писали в начале 1990-х годов представители консервативной оппозиции. Так, в одной из статей говорилось следующее: «Трагедия заключалась в том, что оформлялась видимость объективности происходящих процессов. Объективность эта вроде бы требует объединения государств, слома государственных границ и много другого, что вело бы к формированию единого мирового пространства. Однако нынешние интеграционные процессы, которые как раз и создают видимость объективности происходящего, основаны на совершенно иных принципах. Они зиждутся на конкуренции капиталистических государств за управление миром, за обладание «тающими» мировыми ресурсами жизнеобеспечения, контроль над которыми никакое из современных государств не в силах осуществить в одиночку»¹. В другой публикации отмечалось, что «по недалекости американской администрации (Б. Клинтона) и необъяснимой робости российских лидеров, они не решаются высказать вслух то, что уже вполне ясно мыслящим людям и в России, и в Америке, и в Европе, и в Азии, — в XXI веке мир будет ареной жесткой и увлекательной борьбы за право лидерства на планете»².

Ряд представителей народно-патриотической оппозиции характеризовали надвигающийся мировой порядок как систему международных отношений, при которой будет осуществляться эксплуатация отстающих стран государствами-лидерами. Грядущий порядок, по их мнению, приобретал черты технологического геноцида со всеми атрибутами этого процесса — размещением радиоактивных захоронений, высокотоксичных и грязных производств, широчайшей эксплуатацией людских и природных ре-

¹ Гудков Е. Цивилизаторы и Россия // Москва. — 1993. — № 3. — С. 111-114.

² Акопов А. набросок национального манифеста // Независимая газета. — 1994, 24 августа.

сурсов. Согласно их точке зрения, новый мировой порядок, навязываемый Соединенными Штатами всему миру, — индустриальное рабовладение в совокупности с разработкой и производством новейших передовых технологий¹.

Лидер российских коммунистов Г.А. Зюганов писал, что план нового мирового порядка был направлен на установление глобальной диктатуры Запада во имя сохранения его политического, экономического и военного лидерства. По исторической аналогии он определил его как «всемирный мессианский, эсхатологический религиозный проект», по своим масштабам, степени продуманности и основательности подготовки, как «далеко превосходящий известные в истории формы планетарных утопий — римский империализм времен Тиберия и Диоклетиана, халифат Аббасидов, движение протестантов-фундаменталистов в Европе или троцкистские грезы о мировой революции».

Г.А. Зюганов определил мировоззренческую основу нового мирового порядка как стремление реализовать многовековые чаяния Запада в форме либерально-демократического «рая на земле», утверждение «золотого века» человечества, который будет протекать под управлением единого «мирового сверхправительства». В геополитической области, по его мнению, новый мировой порядок увязан с «глобальной стратегией США и с атлантическим Большим Пространством, которое мыслится как его главная территориальная опора, своеобразная «метрополия» всемирной колониальной системы». В ней будут сосредоточены внутренние «высокоорганизованные пространства так называемого Торгового Строя, где власть измеряется количеством контролируемых денег, ставших единым эквивалентом, универсальной мерой вещей»².

Г.А. Зюганов отмечал, что стремление Запада объединить мир под единым руководством приобрело особую актуальность в конце XX века ввиду того, что углубились внешние противоречия между богатым Севером и бедным Югом, а внутренние межсловные, межклассовые противоречия вышли за рамки отдельных народов и наций, обретя глобальный, общечеловеческий характер. По его мнению, в новом планетарном «суперобществе» соци-

¹ См., например: Лысенко Н. Цель — великая империя // День. — 1993, 2-8 мая.

² Зюганов Г.А. Россия в борьбе цивилизаций // Наш современник. — 1995. — № 10. — С. 102-114.

альная напряженность находится на грани взрыва. Предотвратить такой взрыв и неизбежное за ним перераспределение благ, законсервировать существующее неравенство — таковы главные цели архитекторов нового мирового порядка¹.

Сходные мысли относительно возможностей Запада осуществить планы построения нового мирового порядка высказал Р.И. Хасбулатов, заявивший, что налицо как отсутствие дивергенции, так и возможность конвергенции, поскольку одна система — социалистическая, оказалась поглощенной другой, более сильной — капиталистической. Он отмечал следующее: «Но сумеет ли единая глобальная капиталистическая система «переварить» проглоченное и выжить? Нет, не сумеет. Она тоже погибнет... Мировому капитализму конкурировать сейчас не с кем — конкурент уничтожен, его лидеры куплены с потрохами. И мы становимся свидетелями упадка капитализма»².

Одну из причин такого развития Р.И. Хасбулатов усматривал в осознании все большим числом граждан планеты того обстоятельства, что они лишились извечной мечты о равенстве, братстве, гуманизме, и это будет приводить огромные массы людей к отчаянию, а от отчаяния к бунту. Он прогнозировал бунты в «ядре» рыночной экономики мира, где материальное благосостояние людей будет ухудшаться, появятся новые проблемы безопасности. Развитие мира без социализма виделось ему как путь к всемирной катастрофе.

Нельзя сказать, что все сказанное сторонниками апокалипсического взгляда на складывавшийся мировой порядок было абсолютно неверным. Скорее, преувеличенными были акценты и интерпретация всего происходившего в мире и вокруг России. Дальнейшее развитие событий показало, что процессы интеграции происходят одновременно с дезинтеграционными тенденциями в отдельных областях международной деятельности, в регионах, странах; в политике ведущих стран мира (и не только ведущих) все более очевидным становилось стремление установить новые или расширить старые сферы влияния, в том числе над

¹ Зюганов Г.А. Империя США: двести лет «американской мечты» // Наш современник. — 1994. — № 8. — С. 105-115.

² Хасбулатов Р.И. Путь к всемирной катастрофе. Миру без социализма придется плохо // Независимая газета. — 1996, 7 июня.

природными ресурсами, по-новому организовать взаимодействие между «мировым обществом» держав-лидеров и «мировым сообществом» при весьма заметной агрессивности первых, особенно США; активизировались попытки стран Запада реализовать идею «мирового правительства», или «директората»; происходило усиление нестабильности в мире и утверждение военно-силовой модели решения проблем безопасности; наметился кризис в деятельности МВФ и МБРР в ряде стран, где внедрялась разработанная ими модель экономики.

Новый «мировой беспорядок» требовал анализа, осмысления и организации. Представители консервативной оппозиции верно, на наш взгляд, подметили слабые места нового этапа мирового развития, но дальше этого не пошли. По-иному подошли к решению этой проблемы представители либеральной академической элиты, которые придали дискуссиям о новом мировом порядке более научный и менее эмоциональный характер. Акцент был сделан не на конфликтогенности или кризисности грядущего мирового порядка, а на структурных вопросах, на объяснении того, как Россия может вписаться в новый порядок и что делать для сохранения высокого державного статуса.

Наиболее всесторонний взгляд на формирующийся порядок представил А.Д. Богатуров. Согласно его точке зрения, характеристика мира после распада Советского Союза как многополярного не передавала полностью особенностей складывавшегося порядка. В качестве основного аргумента ученый приводил тот факт, что хотя одна из двух основ биполярности в том виде, как она существовала в 1945–1991 гг., разрушена, случившееся не содержало никаких указаний на контуры будущей мировой структуры и лишь с определенностью свидетельствовало о достаточно радикальном сдвиге в прежней. Невозможно стало говорить о существовании полноценного второго полюса, равного Соединенным Штатам, подчеркивал А.Д. Богатуров, но все еще сохранялся сильный отрыв двух стран мира – США и России – от всех остальных членов международного сообщества по совокупности всех своих возможностей. Он согласился с позицией тех западных ученых, которые считали, что разрушение порядка холодной войны не автоматически означало возвращение в многополярность, если под ней понимать традиционное равновесие сил, как оно существовало между великими державами в XIX веке, когда

они ревниво следили друг за другом, не позволяя ни одной из них усилиться до такой степени, чтобы коалиция всех остальных не обеспечивала им заведомого превосходства над пытающимся «уйти в отрыв» соперником. Если принять за основную черту биполярности наличие крупного разрыва в возможностях между двумя лидерами и остальными странами, а за типическую характеристику многополярности — сопоставимость потенциалов более или менее многочисленной группы лидеров, то можно хотя бы отчасти «заземлить» представления о текущей ситуации, то есть приблизить их к удручающей русское сознание, но реальной действительности¹. По оценке политолога, после 1991 года реально существующую мировую структуру можно было бы обозначить как «полутораполярность», т.е. наличие двух основных полюсов, из которых один (американский) значительно превосходил второй².

Отмечая неудобство при использовании категорий «однополярный» и «многополярный», А.Д. Богатуров предложил обратиться к иным теориям современного мирового порядка. Особого внимания, по его мнению, заслуживали работы японского теоретика Акихико Танаки, по концепции которого, мир предстает в качестве трехслойной сферы, где три пласта взаимно проецируются, а взаимодействие их проекций определяет фактическое положение основных мировых игроков по отношению друг к другу. По схеме А. Танаки, предложенной в 1993 году, современный мир — одновременно одно-, трех- и пятиполярный. Он однополярен в том смысле, что только США обладают абсолютным превосходством над всеми странами мира по совокупности своих возможностей; трехполярен, если речь идет об экономике, причем роль экономических полюсов выполняют национальные государства — США, Япония и Германия; наконец, мир предстает пятиполярным в организационно-политическом отношении, где США, Россия, Китай, Британия и Франция являются организационно-политическими полюсами мира, обладающими обширным опытом участия в управлении мировой политикой и принятии ключевых международных решений, а также каналами и возможностями для участия в миротворительном регулировании.

¹ Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. — 1996. — № 2. — С. 26, 30-32, 36.

² Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. — С. 26-49.

Ценность теории комбинированной структуры видится А.Д. Богатуровым прежде всего в косвенном указании на переходность этапа мироструктурной трансформации и, что особенно важно, в предощущении комбинированного, усложненного характера будущей миросистемной организации. Однако, по его мнению, выдвинутая Танакой концепция современного мира не отражала полностью его сути, и он предложил свой вариант определения — «плюралистическая однополярность», полагая, что типологически эта структура может быть отнесена к комбинированным, хотя складывается преимущественно, в основном в рамках вектора однополярного развития. Автор подчеркивает, что это, конечно, не однополярность в чистом виде, поскольку источником направляющих импульсов в мировой политике оказываются Соединенные Штаты не единолично, а в плотном окружении стран «семерки», сквозь призму или фильтры которой преломляются, становясь более умеренными, так или иначе меняя свою направленность, собственно американские национальные устремления. А.Д. Богатуров относит такую структуру к однополярности смягченного, «плюралистического типа», в рамках которой сильнейшая держава мира, по-видимому, не будет обладать возможностями жесткого контроля над происходящим в той или иной части мира, хотя сможет пользоваться труднооспоримым влиянием.

Анализируя международную ситуацию, соотношение сил между ведущими и поднимающимися державами мира, А.Д. Богатуров пришел к выводу, что России не следует так уж рьяно выступать против однополярности на переходном этапе мирового развития, так как в грядущей многополярности, во-первых, ее статус представляется весьма проблематичным (если только ей не удастся благополучно завершить экономические, политические и военные преобразования), а во-вторых, вообще неизвестно насколько стабильным будет мир без сильного регулирования со стороны США (если сверхдержава начнет слабеть, чего не исключает З. Бжезинский и другие американские политологи).

Еще раньше, в 1993 году, А.Д. Богатуров писал, что наступивший виток «рассеянной» дестабилизации отражает кризис миросистемного регулирования — по-видимому, самый глубокий со времен Второй мировой войны. Его суть — не в провозглашении неизбежности новой войны (о чем писали Ч. Кегли и Г. Реймонд), а в остроте потребности соединить усилия в интере-

сах реформы международного управления. Исторически подтверждаемая ненадежность многополярной структуры мироуправления в новых международных условиях заставляет трезво оценивать вырисовывающуюся ей альтернативу управления однополярного. По мнению политолога, оно могло оказаться далеко не худшим вариантом развития, — при условии, что центр глобального регулирования будет представлять собой сплоченное единство ограниченного круга ответственных государств. Задача России — обрести свое место в этом ответственном клубе, который вряд ли станет первым незамутненным образцом демократизма мировой политики, но может компенсировать падение управляемости и предотвратить разрастание типологически новых и оттого лишь более опасных «рассеянных» угроз¹.

Развивая эту мысль, А.Д. Богатуров писал, что в условиях «плюралистической однополярности», когда Россия слаба, а мир, следуя собственной логике, стремится преодолеть разобщенность, упования на самодостаточность и нестесненность во внешнеполитической сфере представляются утопичными. «Нравится это кому-то или нет, США — лидер современного мира и опора его нынешней «плюралистически однополярной» структуры, — сделал вывод политолог. — Это может (и, наверное, должно) быть кому-то не по вкусу и тревожить. Но это было бы неосторожно игнорировать. Формы новой модели мира еще не затвердели. Задача России может состоять в том, чтобы внести свою лепту в ее формирование, попытавшись сделать новую международную структуру более плюралистической и менее однополярной»².

Однополярность, как основная характеристика постбиполярного мирового порядка, принималась многими российскими политиками и учеными, противостояние полюсу-США рассматривалось как губительное для России, усложнявшее ситуацию в двусторонних отношениях. Но было немало сторонников и у идеи многополярного мира, не отрицавших сверхдержавность США и их уникальные позиции в мире, также подчеркивавших важность взаимодействия с ними. Они считали, что многополяр-

¹ Богатуров А.Д. Кризис миросистемного регулирования // Международная жизнь. — 1993. — № 7. — С. 40.

² Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России. — С. 35-36.

ный мир уже существовал и задачей России было встраивание России в новый расклад сил в мире, не откладывая этого на долгосрочную перспективу. Эта позиция одержала верх, и после назначения в 1996 году на пост министра иностранных дел Е.М. Примакова она была положена в основу внешнеполитической деятельности России, т.е. концепция многополярного мира получила статус государственной политики¹.

Среди американских специалистов по международным отношениям также не было единства мнений, хотя в отличие от российских ученых, большая часть американских политологов отдавала предпочтение варианту однополярного мирового порядка. Однополярность мира выводилась одними из факта установления американской гегемонии, другими – из сверхдержавного положения. Поэтому позиция сторонников однополярности хорошо представлена в работах, посвященных анализу и обоснованию гегемонии США и американской глобальной стратегии (Глава II).

В данном разделе следует все-таки сказать несколько слов о позиции одного из главных теоретиков однополярности и гегемонии США З. Бжезинского. Он считает, что время между распадом биполярной системы и наступлением многополярности будет периодом однополярным – эрой американской гегемонии и длительность этого благоприятного для Америки периода будет зависеть от США, от реализации ими стратегии глобального лидерства. З. Бжезинский полагает, что неизбежный (но далеко не быстрый) приход многополярности может регулироваться Соединенными Штатами, которым неоспоримое могущество позволяет оказывать влияние на складывание региональных центров силы и на региональные силовые группировки².

Многополярный вариант развития мира после окончания холодной войны обсуждался на страницах вышедшей в 1995 году монографии «Глобальная повестка дня». Один из авторов, М. Говард, отмечал, что после любой войны, горячей или холодной, наступает «холодный мир», который, по его словам, может

¹ Примаков Е.М. На горизонте многополюсный мир // *Международная жизнь*. – 1996. – № 10. – С. 3-13.

² В полном объеме вопрос о новом мировом порядке и о гегемонии США был рассмотрен в монографии «Великая шахматная доска» – Brzezinski Zb. *The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. – N.Y., 1997.

быть ужаснее (труднее), чем война, где намерения сторон достаточно определены и правила игры оговорены. По мнению ученого, после окончания холодной войны глобальный порядок на достаточно долгую перспективу может быть многовариантным («поликультурным») с минимальным использованием силовых методов навязывания американских стандартов и универсализма в отношениях с другими странами. Что касается политики США, то М. Говард считал, что она должна определяться способностью разрешить (или контролировать) свои собственные проблемы¹.

К многополярной модели развития склонялись Ч. Кегли и Г. Реймонд. Они утверждали, что грядущий мир будет многополярным, в котором сохранятся политические, экономические, идеологические, военные противоречия между ведущими мировыми державами и могут усилиться нестабильность, непредсказуемость и конфликтность в международных отношениях².

Многие авторы, признавая многополярность мира, усматривали в его развитии немало тревожных проблем, возникших и нерешенных в прошлом: возможность возникновения конфликта между ведущими державами по поводу распространения ядерного оружия; новый виток гонки вооружений; рост протекционистских барьеров между новыми торговыми объединениями; культурные различия как источник международного конфликта; опасность распространения гражданских войн на этнической основе в мире, где большинство государств полиэтнические; высокая вероятность интервенции ведущих держав; трансформация новых демократических правительств во что-то «ужасное и опасное»³. Отмечалось, что указанные тенденции будут разворачиваться в условиях, когда США уже не столь сильны экономически,

¹ Howard M. Cold War, Chill Peace: Prospects for Order and Disorder /The Global Agenda. Issues and Perspectives. Eds. Ch. Kegley, Jr. and E. Wittkopf. — N.Y., 1995. — P. 144-153.

² Kegley Ch., Jr. and Raymond G. A Multipolar Peace? Great-Power Politics in the Twenty-First Century. — N.Y., 1994.

³ Huntington S. The Clash of Civilizations //Foreign Affairs. — Vol. 72 (Summer 1993). — P. 22-49; idem. The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. — Norton (Ohio), 1991; Talbott S. Rethinking the Red Menace //Time. — 1990, June 15. — P. 46; Zuckerman L. The New Nuclear Menace //The New York Review of Books. — 1993, June 24. — P. 14-19; Kober S. Revolutions Gone Bad //Foreign Policy. — № 91 (Summer 1993). — P. 63-83.

политически и в культурном отношении, как это было в 1960-е годы; что дни американского гегемонизма прошли и не вернутся никогда, поэтому США следует признать себя одной из ведущих держав, живущей вместе с остальными в нестабильном мире¹.

Аналогичную мысль высказывали и такие авторитетные авторы, как У. Хайланд и Дж. Най. Первый писал, что «Америка никогда больше не сможет делать все, что она хочет, несмотря на сверхдержавный статус»². Другой вторил ему, заявляя, что военная мощь США не может определять, каким образом будут развиваться процессы в экономической и политической сферах мирового развития, не может гарантировать США позицию гегемона. По мнению Дж. Ная, зарождался новый многополярный мир, в котором мощь государства не будет измеряться традиционными подходами³. Весьма проблематичным считал однополярность, как определяющую характеристику мирового порядка после 1990 года, известный политолог И. Валлерстайн, полагавший, что в период до 2025/2050 гг. будет происходить постепенное упорядочение постбиполярного «беспорядка» с неизменным упадком влияния США. Согласно его точке зрения, в XXI веке в основе мирового порядка будут три «узловых центра», к каковым он отнес США, Западную Европу и Японию и предвидел соперничество между Большой Европой и японо-американским союзом. Среди крупных держав, мало интегрированных в новые создаваемые сети, он назвал Китай для японо-американского союза и Россию для ЕС, чья интеграция ставилась в зависимость от того, смогут ли они достичь внутренней стабильности и законности. И. Валлерстайн высказал верные соображения относительно тенденций формирования нового порядка и факторов, которые будут оказывать влияние на включение государств, оставшихся за пределами трех (или двух) узловых центров: 1) в какой степени промышленность этих стран оптимально необходима для функционирования ключевых товарно-производственных объединений нового мирового порядка; 2) в какой мере те или иные страны важны для поддержа-

¹ Wallerstein I. Foes as Friends? //Foreign Policy. — № 90 (Spring 1993). — P. 145-157.

² Hyland W. The Case for Pragmatism //Foreign Affairs. — Vol. 71. — № 1 (Winter 1991/92). — P. 38-52.

³ Nye J., Jr. The Changing Nature of World Power /The Global Agenda. Issues and Perspectives. Op.cit. — P. 105-118.

ния эффективного спроса на продукцию наиболее прибыльных секторов производства; 3) в какой степени те или иные страны отвечают стратегическим нуждам (геовоенное расположение, важнейшие виды сырья и т.д.)¹.

Идея о наличии не одного, а нескольких полюсов или центров силы получила развитие в работах авторитетного политолога Ч. Купчана, предложившего модель «трехполюсного мира», приближенную к реальной политике США и более привлекательную для других стран в сравнении с однополярной моделью мирового порядка, в основе которого просматривалась гегемония Америки. Думается, работы политолога представляли собой попытку снять сразу несколько спорных проблем, стоявших перед руководством и научным сообществом Соединенных Штатов в связи с реализацией глобальной стратегии. Ч. Купчан выразил мнение той части либеральной американской академической элиты, которую не устраивало излишнее увлечение идеями превосходства Соединенных Штатов и его постоянная демонстрация, хотя сам факт наличия особого положения США в мире ими признавался. Сторонники более скромного поведения и сохранения отдельных правил игры, существовавших ранее в отношениях между ведущими мировыми державами, были озабочены тем, что однополярная модель мира весьма непривлекательна для многих стран – не только для таких откровенных оппонентов США, как Россия и Китай, но, в перспективе, и для тех государств, которые пока своего несогласия так откровенно не демонстрировали. Не секрет и то, что Ч. Купчаном и другими американскими теоретиками руководило стремление скрыть традиционный снобизм, присущий политике США (помимо силового давления), создать впечатление, что Соединенные Штаты, хотя и самая сильная и лучшая страна в мире, но тоже участник коллективного формирования нового мирового порядка.

Не менее важным оставался вопрос о том, как сделать американское лидирующее положение в мире более долговечным, или, если это невозможно, как сохранить наиболее благоприятный для США расклад сил в мире на случай окончания периода американской гегемонии. В американской научной литературе

¹ Валлерстайн И. Политические дилеммы на рубеже тысячелетий // Полис. – 1996. – № 4. – С. 179-180.

неоднократно обсуждался вопрос о будущих вызовах могуществу Соединенных Штатов. Возможность возникновения такого вызова в Европе связывается с Германией, в целом в Евразии — с Россией, а в Азии — с Китаем. При этом отмечалось, что только Китай, по темпам и масштабам своего развития, может рассматриваться как претендент на глобальное лидерство.

С учетом указанных прогнозов, Ч. Купчан предложил свое видение современного мироустройства — три региона (центра) силы (влияния), в каждом из которых существует один полюс силы (реализация идеи однополярности только на региональном уровне). В трехполюсном мире он выделил три крупных региона силы, наиболее развитые в военной и промышленной областях: Северная Америка (лидер США), Европа (лидеры Германия и Франция), Восточная Азия (лидеры Китай и Япония). Указанную модель Ч. Купчан определил как модель «региональной однополярности», или «мягкой однополярности» в качестве альтернативы «агрессивной однополярности»¹. По мнению политолога, прочность данной модели будет определяться следующими факторами: 1) неоспоримая военная и экономическая мощь государства-лидера в каждом из трех регионов будет способствовать развитию центростремительных тенденций, между лидером и периферией на основе консенсуса будет достигнуто согласие относительно параметров полномочий лидера и обязательств подчиненных ему государств; 2) не исключается использование как поощрительных методов воздействия со стороны лидера и его сторонников в возглавляемой им группе государств, так и методов давления и наказания для тех, кто выступает против установленного порядка.

По признанию Ч. Купчана, запланированное распределение власти между отдельными региональными лидерами при участии и под контролем США (пока у них такие рычаги воздействия остаются) лучше, чем бесконтрольное распределение влияния на региональном уровне. Коротко говоря, Соединенным Штатам необходимо контролировать прежде всего развитие тех государств, которые потенциально могут создать проблемы для США в ключевых для них регионах мира. Отмечалось: в рамках одного регионального полюса всем его членам, включая лидера, придется

¹ Kupchan Ch. After Pax Americana: Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity // International Security. — Vol. 23. — № 2 (Fall 1998). — P. 49-55.

координировать свою политику, что воспрепятствует чрезмерному усилению влияния региональных лидеров, не позволит ни одному из них стать гегемоном, который попытается разрушить установленный политический консенсус и начать проводить политику, не контролируемую другими странами, в том числе Соединенными Штатами. При этом автор концепции «трехполюсного мира» высказал убеждение, что страны, которые будут центрами-полюсами трех больших регионов, в силу демократического характера своих социально-политических систем (что вряд ли правомерно в отношении всех названных держав — центров силы) будут проводить либеральную политику, избегать действий, направленных на конфронтацию с другими странами.

По теории Купчана, «региональный полюс», или «ядро», может состоять из двух (или более) стран («плюралистический характер ядра»). Так, в Европе такое ядро может состоять из Германии и Франции, в Восточной Азии — из Китая и Японии. Очевидно, что «модель трехполюсного мира» со сложными «ядрами»-полюсами может заработать только при двух условиях: 1) если США будут проводить достаточно гибкую, но убедительную политику и 2) если сами участники процесса осознают целесообразность и неизбежность такого развития сценария (так как в этом заинтересованы США — самое сильное в мире государство, от которого многое зависит в экономической и военной областях). При этом страны, которые не являются союзниками, между которыми на протяжении многих лет существуют серьезные противоречия и каждая из которых претендует на региональное лидерство, должны объединиться, чтобы вместе с США регулировать процессы, происходящие в мире.

Представляется, что, несмотря на во многом гипотетический характер концепции Ч. Купчана, существуют отдельные предпосылки для ее реализации. В частности, германо-французский и китайско-японский союзы могут базироваться на общих проблемах, связанных с Россией: Япония и Китай не заинтересованы в усилении России, в повышении ее роли в АТР; у каждой из них есть территориальные или пограничные претензии к России; оба государства заинтересованы в экспансии (прежде всего экономической и демографической) на территории Дальнего Востока и Сибири, в получении доступа к ресурсам этих регионов; что касается Германии, то она также не оставляет планов политического и

военного усиления в Европе, особенно в постсоветской Европе, а это подразумевает ослабление влияния России на Украине, в Белоруссии, усиление западноевропейского влияния в странах Балтии, в Молдове и Украине, на Кавказе.

По мнению Ч. Купчана, для успеха политики «регионального коллективизма» как альтернативы «глобальному коллективизму» следовало бы принять Россию в ЕС и НАТО (не оставляя за ней места регионального лидера-полюса). Однако он убежден, что в краткосрочной перспективе эту проблему конструктивно решить не удастся, так как США и другие члены альянса считают, что вхождение России в эти структуры подорвет их дееспособность, фактически разрушит их¹. России, оставленной без региональной сферы влияния в трехполюсном мире, предлагается сосредоточить свое внимание на странах СНГ, укрепить эту структуру, сделать ее объединением, основанным на согласии, а не на принуждении. Однако «четвертым полюсом силы» Россия вместе с территориями ее влияния не называется. Ожидается, что все постсоветские страны, включая Россию, постепенно войдут в одну из трех региональных полюсных структур в зависимости от их исторической, политической, экономической, военной ориентации.

Можно рассматривать «трехполюсную модель» как теоретические размышления кабинетного ученого, однако это было бы не совсем правильно, так как в них отражена эволюция подходов к основным направлениям деятельности американской дипломатии в Европе и АТР. Вместо довольно расплывчатой модели создания на базе НАТО и ЕС сообщества демократических государств под предводительством США (единственный полюс силы), открытого в краткосрочной перспективе для всех государств, добившихся успеха на пути развития демократии и рыночной экономики, а в долгосрочной перспективе — для всех стран, которые продвигаются с разной скоростью в этом направлении («глобальный коллективизм»), появилась иная, более привлекательно сформулированная модель. В ней предлагается удовлетворить устремления региональных лидеров (прежде всего Китая, Японии и Германии) к усилению своего влияния и делегировать им полномочия для контроля (или сдерживания) других региональных

¹ См. более раннюю работу Ч. Купчана: *Reviving the West // Foreign Affairs*. — Vol. 75. — № 3 (May/June 1996). — P. 92-104.

держав, таких как Россия, Индия, Иран, которые также претендуют на влияние.

Схема, предложенная Ч. Купчаном, перекликалась с идеями, которые раньше него в 1996 году высказывал известный специалист по проблемам внешней политики США Ч. Мэйнс. Он выступал за создание региональных режимов безопасности, в которых ведущая роль принадлежала бы наиболее сильным региональным государствам¹. Однако в отличие от Ч. Купчана он считал, что Россия должна занимать особое место в формирующихся режимах безопасности, так как ее роль остается важной и в Европе, и в Азии. Ч. Мэйнс не поддерживал идею расширения НАТО и превращения ее в единственную военную структуру, претендующую на регулирование международных процессов. Ч. Купчан использовал идею о создании нескольких полюсов силы вместо одного, но при этом не отверг необходимость укрепить НАТО (он был одним из авторов политики расширения альянса, когда работал в аппарате СНБ), сохранить и усилить американский контроль над происходящими в мире процессами, нейтрализовать Россию на региональном уровне.

Как видим, российские и американские специалисты по международным отношениям высказывали как сходные, так и разные точки зрения относительно состояния международных отношений после окончания холодной войны. Были сделаны следующие выводы: 1) на смену биполярности пришла многополярность, которая сохранится на длительную перспективу и не исключает взаимодействие ведущих мировых держав; 2) биполярность уступила место однополярности при очевидном сверхдержавном лидерстве США, и сохранение такого положения зависит от них самих; 3) структура мира трехполюсная, и именно она будет определять формирование нового мирового порядка; 4) мир находится в переходном состоянии, когда продолжают сохраняться элементы старого порядка, но уже формируются новые; 5) более верной представляется концепция комбинированного порядка; 6) можно говорить о существовании однополярно-полицентричного порядка, при котором есть один полюс (США) и несколько центров силы, в число которых попадает Россия.

¹ Maynes Ch. Bottom-Up Foreign Policy // Foreign Policy. — № 104 (Fall 1996). — P. 46-53.

Каждый из авторов оригинальной концепции мира старался наиболее точно описать складывавшийся порядок, пришедший на смену биполярному. Всесторонне описать то, что находилось в процессе эволюции, было трудно, но наметить основные направления формирования грядущего порядка американским и российским политологам все-таки удалось, хотя многие из них остались при своем мнении относительно «полярности» мира. Научные наработки нашли отражение во внешнеполитических стратегиях России и США — на государственном уровне Россия и США остались на противоположных позициях. Россия признавала многополярный мир и в соответствии с этим строила внешнюю политику (многовекторная и разнонаправленная). Соединенные Штаты действовали как мировой лидер, сверхдержава и главный мировой полюс силы.

Новый импульс дискуссии о новом мировом порядке получили на рубеже веков, что можно было объяснить следующими факторами: 1) вступление в новую эпоху: для американцев в «золотой век Америки», для России — в период выхода из кризиса и закрепления позиций одного из ведущих центров силы и влияния в мире; 2) появление трудностей и противоречий в ходе реализации глобальной стратегии Соединенными Штатами, рост разногласий среди американских союзников и антиамериканизма в мире; 3) изменение внутривнутриполитической ситуации в России и активизация ее международной деятельности, что требовало идейного обеспечения; 4) преодоление российской академической элитой шока после распада СССР и активизация идейных дискуссий.

Мир на рубеже веков: «полюса» и формирующийся порядок

При обсуждении итогов десятилетнего периода развития международных отношений после окончания холодной войны (если начинать отсчет с 1989—1990 гг.) выяснилось, что расхождения между российскими и американскими специалистами по международным отношениям в оценках складывавшегося порядка сохранились.

В Соединенных Штатах продолжали видеть мир однополярным, стремились продолжить его реконструкцию с максимальной выгодой для своих интересов. Отсюда активность американского академического сообщества по обоснованию однопо-

лярной модели. Помимо чисто научной важности, академические изыскания выполняли и определенную политико-пропагандистскую задачу — убедить остальной мир и американцев в правомочности предложенной Соединенными Штатами модели. В США наиболее заметными стали публикации У. Уолфорта и Дж. Голдгайера. У. Уолфорт сделал примечательное заявление о том, что в течение достаточно длительного периода развития международных отношений — почти десяти лет — Соединенные Штаты оставались единственной сверхдержавой и не выявляется тенденции к тому, чтобы какое-либо государство или группа государств были готовы оспорить американское мировое лидерство. Он прямо указал, что следует прекратить споры относительно характера современной мировой системы и признать, что она однополярна, стабильна и долгосрочна. Соединенные Штаты продемонстрировали и закрепили свое преимущественное положение, и в настоящее время опасность состоит в том, что они своей недостаточно активной политикой могут разрушить существующую стабильность¹.

По мнению У. Уолфорта, утверждение сторонников школы реализма и неореализма о том, что однополярная система нестабильна и чревата конфликтами, не отражает истинного положения вещей, а их заявления о возрастании устремлений со стороны других государств противостоять ведущей стране-полюсу не получили подтверждения в течение десяти лет американского лидерства. Ученый делает акцент на том, что чем выше и определеннее концентрация мощи у государства-лидера, тем стабильнее международный порядок. Предпосылки конфликта и сам конфликт возникают при условии, если государство — оппонент лидера пытается бросить вызов могуществу последнего и укрепляется в том, что можно это могущество оспорить и изменить существующее соотношение сил в мире в свою пользу. Но в краткосрочной перспективе, по мнению У. Уолфорта, ни одно государство мира, ни одна группа государств не будут иметь потенциал, выше американского и позволяющего открыто оспорить могущество и лидерство Соединенных Штатов.

¹ Wohlforth W. The Stability of a Unipolar World // International Security. — Vol. 24. — № 1 (Summer 1999). — P. 5-41.

Полемизируя с Ч. Купчаном, У. Уолфорт сделал акцент на том, что ни гипотетический союз России и Китая, ни возможное образование «европейской тройки» (Россия — Германия — Франция) не приведут к сдвигам в системе международных отношений, так как эти государства скорее всего будут стремиться к заключению определенных политических сделок с США и к получению отдельных преимуществ от двустороннего взаимодействия. По убеждению политолога, географическое «островное» положение США оставляет для них возможность маневрировать в любой даже самой неблагоприятной геостратегической ситуации. В этих условиях основным препятствием для наиболее эффективного использования преимущественного положения может стать непроработанность внешнеполитической стратегии США и нежелание «платить достаточную цену» за то, чтобы однополярная стабильность была долгосрочной.

У. Уолфорт подверг сомнению правомочность еще одного суждения сторонников школы реализма о том, что ничем не ограниченная мощь, какое бы государство ею не располагало, таит потенциальную опасность для остальных стран и поэтому Соединенным Штатам следует выступать в концерте ведущих держав мира, так как это нейтрализует гегемонистские устремления других акторов международных отношений. Он высказал убеждение, что до тех пор, пока США сохраняют свое неоспоримое «симметричное» могущество — в военной, экономической, политической, информационной, культурной и др. областях, ни у кого не возникнет возможность оспорить это положение, а будет лишь стремление воспользоваться преимуществами, которое может дать сотрудничество с лидером. По мнению политолога, ни одно государство мира не в состоянии добиться симметричности в своем могуществе, и чаще всего государство, претендующее на лидерство, может продемонстрировать достижения лишь в одном из параметров силы, военной или экономической, да и то в масштабах, существенно уступающих США. У. Уолфорт отметил, что, концентрируя внимание на факторе угрозы одного сильнейшего полюса для остального мира и строя свои рассуждения в категориях «вызов (угроза) — ответ» на международном, региональном, национальном уровнях, многие теоретики и аналитики оставляют за рамками анализа и прогнозов фактор стабилизирующего влияния однополярности и продолжительности преобладающего

положения США. Отсюда вывод: главной задачей американской политики должно стать обеспечение превосходства США во всех сферах на длительный период, независимо от отношения к этому со стороны одного или нескольких государств.

Немалое число американских политологов, чья научная карьера развивалась во время ослабления биполярной системы, завершившегося распадом СССР, и в период ослабления эффективности внешней политики Российской Федерации, рассматривали конец XX века как период установления прочного однополярного мира. Многие из них работали на администрацию Клинтона (или в аппарате его администрации и министерств) и внесли существенный вклад в разработку концепции глобального лидерства. Им были чужды сомнения и страхи, они были убеждены в том, что у США есть достаточно времени для реализации намеченных планов, так как возрождение биполярности или установление многополярности в скором времени не ожидается по объективным причинам, а именно из-за неспособности ведущих держав мира достичь уровня Соединенных Штатов во всех областях, нереальности создания враждебных США коалиций благодаря их благоприятному геополитическому положению. По мнению молодых глобалистов, ни одно из ведущих государств мира (прежде всего имелись в виду Китай, Россия, Япония, Индия), ни Большая Европа не способны стать полюсом, вокруг которого объединятся страны, готовые подчиниться его власти и проводить политику, определяемую новым лидером.

Предостерегая американское руководство от медлительности, сторонники активного лидерства указывали на уникальность исторического шанса, когда впервые в истории человечество наблюдает функционирование однополярной системы международных отношений, имеющей долгосрочный характер и полностью зависящей от политики США. Отсюда выводилась основная задача американской внешнеполитической элиты — не запугивать американцев гегемонией США и перспективой перенапряжения экономики страны в ходе реализации глобальной стратегии, не преувеличивать значение и привлекательность многополярного мира, а показывать преимущества однополярной системы и ее стабильность.

Аналогичные оценки высказывал политолог Дж. Голдгайер, считавший, что лидерство США — непреложное условие ста-

бильного развития мирового сообщества, их действия по укреплению своих позиций в мире правомерны; НАТО остается ведущей международной организацией, способной обеспечить интересы США и всех стран, стремящихся войти в состав мирового демократического сообщества. Как и У. Уолфорт, Дж. Голдгайер считал неправомерной излишнюю критику действий США, особенно со стороны американских политиков и ученых: скорее он склонен принять как данность американское мировое лидерство и объявляет логичным стремление и действия американского руководства по проведению политики, прежде всего лидера, а не только одного из членов клуба сильнейших государств мира.

Однополярность мира, его стабильность и долговечность, согласно позиции американских глобалистов, основываются на симметричном могуществе США и превосходстве американской модели развития, которое было доказано успешной американской историей, победой в холодной войне и крахом советской идеологии и Советского Союза. Вызов могуществу Соединенных Штатов, а вместе с этим однополярному миру со стороны одной или нескольких держав рассматривался ими как маловероятный (по крайней мере в краткосрочной перспективе). Отвергалась возможность того, что при определенном развитии событий в мире такой вызов может стать возможным.

Отбрасывая как маловероятный страновой вариант вызова Соединенным Штатам, американские политологи не рассматривали иных вариантов угроз, которые могут иметь комплексный характер («страна-проблема», например: Ирак – распространение ОМУ, Афганистан – терроризм) или глобальный характер (международный терроризм, распространение ОМУ, рост населения и миграции, болезни, нищета, изменение мирового климата и т.п.). От большинства этих угроз не спасает ни благоприятное геополитическое положение США, ни военная мощь. Даже в случае с терроризмом массивное военное и иное подавление (или уничтожение) источника угрозы (весьма условного) оставляет катастрофические последствия для мирового развития, подрывает мировую стабильность, не может пройти бесследно и для Америки.

Провозвестники однополярного стабильного мира во время правления администрации Клинтона рисовали довольно безоблачное будущее мирового развития, в котором США-остров (а также сильнейший полюс или «холм»), наводя порядок в остальном мире,

сохранят иммунитет к возможным негативным последствиям глобального регулирования. Не учитывался тот факт, что вместе с «позитивной» глобализацией (расширение сферы демократии и мира) происходила «негативная» глобализация (распространение ОМУ, рост торговли оружием, наркобизнеса, терроризма), в борьбе с которой США-лидер (даже в союзе с другими державами) могут подорвать свое могущество. Поэтому выводы У. Уолфорта и Дж. Голдгайера о наступлении эры стабильности в 1999–2000 гг., отражавшие мнение значительной части американского научного и политического сообщества и официальную позицию руководства страны, можно было бы отнести, на наш взгляд, к характеристике относительно безоблачного периода политики США при администрации Клинтона, а не всего международного развития, которое, скорее, шло по более сложному сценарию.

Полемизируя с авторами концепции «стабильной однополярности», один из самых авторитетных (и спорных) авторов, С. Хантингтон, писал, что современная система международных отношений представляет собой своего рода гибрид, в котором сочетается однополярность и многополярность – в ней сосуществуют сверхдержава и несколько ведущих держав. Это, по его мнению, проявляется в том, что, хотя США как сверхдержава могут в одиночку заблокировать действия одной или нескольких региональных держав, но сами они в одиночку, без поддержки других ведущих мировых держав, не в состоянии решать ключевые международные проблемы¹. С. Хантингтон определил как однополярный лишь короткий период, когда происходил «закат» Советского Союза, и время сразу после его распада, и кульминацией этого момента назвал операцию «Буря в пустыне» 1991 года, когда США действительно могли ощущать себя гегемоном, способным повести за собой остальной мир. При этом С. Хантингтон не упоминает того, что даже в этот короткий момент мирового развития американское лидерство стало возможным в том числе благодаря добровольной поддержке Советским Союзом США в акции против Ирака. Что касается последующего короткого периода после распада СССР, то это время характеризуется определенной «растерянностью» многих государств и их руководителей, неготовно-

¹ Huntington S. The Lonely Superpower // Foreign Affairs. – Vol. 78. – № 2 (March-April 1999). – P. 35-49.

стью отреагировать на столь стремительные изменения, а отнюдь не сознательным признанием ими преимущественного положения США; не наблюдалось тогда и готовности большинства членов мирового сообщества отдать свою судьбу в руки США.

О том, что постбиполярный мир далек от однополярности, писали Дж. Гэддис и И. Валлерстайн. По их мнению, периоды настоящей однополярности, когда актуализируется способность державы-гегемона навязывать свою волю и свой порядок другим великим державам, не опасаясь серьезных вызовов с их стороны, в истории современной миросистемы сравнительно коротки. После короткого периода прежняя держава-гегемон снова становится обычной великой державой среди прочих, даже если и остается на какое-то время сильнейшей в военном отношении. Так, считают они, Соединенные Штаты могли считаться гегемоном в период после окончания Второй мировой войны до середины 1950-х годов, когда СССР разрушил ядерную монополию США и стал второй ядерной державой.

Акцент на важности сохранения стабильности в отношениях стран — членов концерта великих держав делали те американские политологи и историки (не только представители школы реализма), которые считали, что значение этого фактора не уменьшается с окончанием холодной войны. Идея школы реализма о необходимости поддержания баланса сил между ведущими мировыми державами критиковалась сторонниками однополярности как устаревшая, но, думается, была преждевременно выброшена на «свалку истории». Об этом писали критики однополярной концепции мира и политики американской администрации, в основе которой было глобальное регулирование. Согласно их точке зрения, в мире уже начались необратимые процессы на региональных уровнях, остановить которые будет практически невозможно. Это проявляется не только в объективно действующих тенденциях по упорядочению взаимодействия между государствами отдельных регионов, но и в субъективных факторах — политике одного или группы стран, преследующих определенные цели и не принимающих безоговорочно действия США-лидера.

В России с критикой однополярной концепции выступил авторитетный специалист в области международных отношений А.В. Торкунов, который отметил, что сторонники однополярности недооценивают роль других государств, в том числе и России.

Ученый, не отрицая особого места и особых внешнеполитических и иных ресурсов, которыми в современном мире обладают США, заметил вместе с тем, что их явно недостаточно для единоличного проведения воли Вашингтона независимо от других держав, входящих в ограниченный круг великих (т.е. обладающих крупными и сравнимыми между собой потенциалами и совокупными ресурсами, которые в каждом отдельном случае значительно превосходят ресурсы других отдельных стран) или относящихся к числу влиятельных региональных центров силы. Как бы то ни было, но ни у одной из современных мировых держав, включая и единственную, как считают многие, оставшуюся сверхдержаву – США, сегодня объективно нет достаточных ресурсов для выполнения функций «мирового полицейского» в однополярном мире¹. По мнению А.В. Торкунова, «модель однополярности» напрямую противоречит многим ключевым и долгосрочным тенденциям мирового развития, причем таким, которые не зависят от кратковременной политической конъюнктуры. Речь идет прежде всего о радикальных переменах, происходящих в мире, особенно в последнее десятилетие, в том числе об усиливающихся процессах демократизации и глобализации, которые, в принципе, открывают перспективу трансформации всей системы современных международных отношений в направлении реализации вековых идеалов их гуманизации и создания мира без насилия.

Более приемлемым, считает А.В. Торкунов, было бы определение современного порядка как «одно-многополярной» системы (или даже «плюралистической монополярности»), а точнее, «асимметричной многополярности», понимаемой в данном случае, как своего рода переходный этап мирового развития, и отражающей специфику конкретного (а потому, неизбежно, преходящего) распределения власти и ресурсов в общем силовом поле долгосрочных общемировых тенденций. Справедливым представляется и следующее замечание ученого: переходность нынешнего этапа заключается еще и в том, что и «биполярность», и «однополярность», и «многополярность» – это лишь определенные и в значительной мере формальные фиксации распределения совокупной власти и национальной мощи в мире, а вовсе не характе-

¹ Торкунов А.В. Международные отношения после косовского кризиса //Международная жизнь. – 1999. – № 12. – С. 45-52.

ристики самого содержания современных международных отношений. Формальная структура нового возникающего миропорядка еще должна получить свое содержательное наполнение.

Отдельные российские ученые, стремясь отойти от рассуждений в категориях «полюсов» и «центров», предлагают по-иному посмотреть на развитие международных отношений. Так, известный политолог А.Д. Воскресенский предложил теорию «многофакторного равновесия», в которой основной аналитической единицей является национальное государство как субъект международных отношений¹. Суть этой концепции заключается в том, что международная система, состоящая из независимых политических единиц — национальных государств (наций-государств), находится в «неупорядоченном равновесии» — в том смысле, что над ней нет контролирующего политического органа («мирового правительства»), который мог бы обеспечить установление универсального порядка и обладал бы верховной политической властью и полномочиями. Соответственно, государства, как правило, поддерживают равновесие между собой.

Предлагая указанный подход, политолог снимает вопрос о надсистемной регулирующей силе в лице одного государства («мирового гегемона») или нескольких ведущих держав («мировой директорат», о котором много говорят и пишут в последнее время в США) и связанные с этим опасения большинства региональных крупных и средних держав, включая Россию, не приемлющих установления такого регулирующего начала. Привлекательность такого рассмотрения мировой системы состоит также и в том, что национальное государство сохраняется в качестве независимой политической единицы, тогда как большинство американских аналитиков считают, что происходит отмирание национального государства, национальных интересов в их традиционном понимании.

А.Д. Воскресенский возвращает категорию «общечеловеческие интересы» в качестве основной базы для взаимодействия и сотрудничества субъектов мирового сообщества, после того как с уходом эпохи Горбачева и нового политического мышления она была забыта многими российскими политиками и внешнеполи-

¹ Воскресенский А.Д. Многофакторное равновесие в международных отношениях // Свободная мысль. — 2000. — № 4. — С. 7-24.

тическими специалистами и отодвинута на задний план достаточно абстрактными американскими идеями о распространении демократии в мире. Он включает в эти интересы стремление к искоренению войн и бедности, борьбу с нарушениями прав человека, деградацией окружающей природной среды. Согласно его концепции «многофакторного равновесия», заинтересованность человечества в обеспечении ценностей общемирового порядка нацелена на долгосрочное выживание человеческого вида и улучшение качества жизни людей. При этом человеческое сообщество расширяется и по горизонтали, включая все страны, и по вертикали, охватывая все классы.

Теория, предложенная А.Д. Воскресенским, гораздо многограннее (мы не останавливаемся здесь на всех ее важных концептуальных положениях), ее появление свидетельствует о стремлении отойти от традиционных геополитических построений, в которых авторы как бы соревнуются между собой за более удачные конструкции. Однако эта теория может заработать только при условии, что идея общечеловеческих интересов серьезно овладеет умами государственных руководителей и народов, — так, чтобы государства видели себя и своих соседей (партнеров, оппонентов) равноправными членами сообщества, нацеленного на выживание и процветание.

Объединяющая идея общечеловеческих интересов перекликается с идеей А.Д. Богатурова об общности общечеловеческих норм международного поведения, которые не на бумаге, а на практике будут приниматься и соблюдаться всеми субъектами мирового сообщества. При этом автор ссылается на труды британского теоретика Х. Булла, который делит мир на «общество» и «сообщество» государств: в первое входят наиболее развитые и богатые страны (США и страны «семерки»), а все остальные — в «сообщество», которое также неравномерно и, согласно существующей классификации по концентрическим кругам, включает более и менее развитые страны, т.е. «периферию»¹.

Для нас интересно утверждение Булла о том, что в условиях анархической внешней среды (как можно было бы охарактеризовать современные международные отношения) мировой порядок

¹ Богатуров А.Д. Синдром поглощения в международной политике // Pro et Contra. — Т. 4. — № 4 (осень 1999). — С. 28-32.

может быть установлен лишь в том случае, если международное «сообщество» перерастет в международное «общество». Государства в своих отношениях и в своем поведении на международной арене будут руководствоваться теми же принципами, которым они следуют внутри своего общества, принципам либеральной демократии. При этом Х. Булл особо оговаривает, что государства на мировой арене должны подчиняться международным законам, нормам, постоянно ощущая неотвратимость наказания за их нарушение; соблюдение международного права станет более выгодно, чем их нарушение¹.

К теории Булла обращается и один из самых авторитетных теоретиков международных отношений Ю.П. Давыдов. Однако он справедливо обращает внимание на трудности и противоречия в реализации идей Булла, высказанных в 1970-е годы и предполагающих сознательность и волю ведущих мировых держав. Страны — члены «мирового общества», хотя и объявляют о своем стремлении способствовать стабильному и демократическому развитию «мирового сообщества», на практике пока демонстрировали большую заинтересованность в сохранении своего особого положения. Методы утверждения либеральной демократии пока остаются старыми, основанными на принуждении и военной силе, что вряд ли совместимо с идеологией выживания человечества. «Мировое общество» не торопится расстаться с национальными интересами и национальным суверенитетом, хотя призывает к этому членов «мирового сообщества», возвещая о наступлении новой эры, в которой общечеловеческие устремления к стабильности и процветанию становятся выше любых иных целей².

В связи с концепцией Булла, возникает несколько проблем: 1) идеи либеральной западной, а точнее, американской, демократии пока не принимаются большинством стран мира, у них или сохраняется свое видение демократического устройства, или оно вообще отсутствует; 2) пока, на наш взгляд, до конца неясно, является ли модель американской демократии совершенной и пригодной для остального мира; 3) нет четкого ответа и на вопрос о том, кто будет уполномочен заниматься нормотворчеством и кон-

¹ См.: Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. — N.Y., 1977.

² См.: Давыдов Ю.П. Демократия, демократизация и проблемы войны и мира // США*Канада: экономика, политика, культура. — 1999. — № 7. — С. 9-10.

тролем и наказанием за нарушение норм; уже сейчас США пытаются представить американские ценности и нормы поведения в качестве общемировых, уже наказывают вместе с другими членами мирового общества тех, кто нарушает американские (западные) либеральные ценности, — правомерно ли это? 4) если американская демократия так наступательно агрессивна во внешней политике, то встают вопросы: а так ли она демократична во внутренней жизни? Так ли гармонично американское общество? Что такое американская демократия?¹

Ю.П. Давыдов — сторонник однополярной модели мира, он признает мировое верховенство США, но при этом не склонен утверждать, что США (и страны — члены НАТО) имеют неограниченное право на выполнение роли главного регулятора и творца общечеловеческих норм. Видимо, эта роль слишком ответственна и требует коллективного участия как можно большего числа субъектов «мирового сообщества». Ограничение нормотворчества узким кругом «мирового общества» («мирового правительства») может привести к установлению принудительной модели в отношениях со странами «сообщества», что вряд ли обеспечит стабильность международного развития в долгосрочной перспективе.

Пока процесс нормотворчества идет сложно, главным образом из-за того, что в мировом сообществе нет единства мнений относительно характера миропорядка, установившегося после распада биполярности. Однополярный характер большинством стран не принимается, и, на наш взгляд, не следует отождествлять с этим желание взаимодействовать с Соединенными Штатами при решении отдельных проблем, демонстрируемое теми или иными государствами из «мирового общества» и «сообщества».

Идея взаимодействия и противодействия «мирового общества» и «мирового сообщества» обсуждалась и в работе известного историка и политолога А.Н. Косолапова. Он склоняется к тому, что к концу XX века структура международных отношений имела сложный — комбинированный характер. А.Н. Косолапов использует терминологию, характерную для описания биполярной структуры международной системы. Так, он назвал современную систему международных отношений «постсоветской», придавая

¹ См. в связи с этим: American Democracy Promotion. Impulses, Strategies, and Impacts. Ed. by M. Cox, G.J. Ikenberry, T. Inoguchi. — Oxford, 2000.

основополагающее значение факту распада СССР (что признается далеко не всеми аналитиками), хотя и считает ее временной. Он характеризовал политико-организационный тип существующей системы международных отношений как зародышево-авторитарный при бесспорном доминировании (но не господстве) «центра», в нем — Запада, а в последнем — США, закамуфлированный под олигархический (Группа семи или любой другой директорат стран). Проявлением нарастающего авторитаризма он называет усиление роли НАТО и все более откровенное стремление США и НАТО поставить Североатлантический альянс выше международного права, ООН и Совета Безопасности¹.

А.Н. Косолапов считает, что авторитарность постсоветской системы международных отношений отчетливо контрастирует с демократизмом предшествовавшей системы. В качестве доказательства демократизма биполярной системы автор приводит следующее. Существование паритета между двумя сверхдержавами давало возможность для развития целого ряда процессов, объективно демократических по содержанию и направленности, таких как ликвидация колониализма, пополнение ООН новыми членами, возрастание влияния стран третьего мира в международных отношениях (Движение неприсоединения, Группа 77, формирование региональных организаций); с распадом СССР пошли процессы ограничения, усечения степени ранее достигнутой демократизации международных отношений (проблематичность ОБСЕ, снижение статуса и финансовый кризис ООН, экономические и финансовые кризисы в ряде развивающихся и даже развитых стран, чье развитие зависело от Запада).

По мнению А.Н. Косолапова, особое положение США будет существовать до тех пор, пока это будет устраивать в первую очередь «мировое общество» — группу наиболее развитых стран мира. Однако неизбежно система, основанная на отношениях «центра» и «периферии» (двухмерной, плоскостной, модели международных отношений), будет постепенно трансформироваться в иной, «трехмерный» тип отношений, что будет вызвано развитием процессов глобализации. В ходе этих процессов на высшие этажи иерархии государств будут перемещаться самые значимые

¹ Косолапов А.Н. Контуры нового миропорядка /Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. Сб. 1. Общие проблемы постиндустриальной эпохи. — М., 1999. — С. 213-241.

процессы мирового развития, закрепляя третье измерение системы и придавая ему системообразующую роль.

Критическим, по мнению автора, окажется отрезок с 2012 до 2025 г., когда будет происходить разворот постсоветской системы — подобно тому, как ялтинско-потсдамская система «развернулась» в начале 1960-х годов от политического господства итогов Второй мировой войны к началу ракетно-ядерной конфронтации и всему тому, что определяло ее развитие до конца 1980-х годов. А.Н. Косолапов не склонен преувеличивать фактор стабильности однополярной системы или нестабильность многополярной. Он высказывает мнение, что в ближайшие десятилетия растущее значение будет приобретать разрыв между потребностями управления сферой международных отношений, особенно на глобальном уровне, и дефицитом средств такого управления (включая дефицит готовности принять его). В создаваемый дефицитом вакуум, особенно в ситуации обострения противоречий внутри олигархической группировки ведущих государств, может устремиться стихия, знающая один регулятор — силу. Столкновение цивилизаций потребовало бы предварительно какого-то их организационного оформления, создание которого меняло бы положение института государства в системе международных отношений и во внутривострановой сфере и, вероятнее всего, натолкнулось бы на явное и скрытое сопротивление большинства государств, сломить которое можно было бы только ставкой на крайние силы и меры.

Происходившие в мире перемены и осознание их важности для человечества, считает А.Н. Косолапов, долго отодвигались на задний план такими событиями, как мировые, локальные, гражданские войны, национально-освободительные движения, идеологическая борьба, ракетно-ядерная конфронтация. К проблемам современного мира, выступившим на авансцену международной жизни, он относит следующие: перенаселенность и демография; рост доли социальных категорий населения, неспособных интегрироваться в техносферу (под ней понимаются промышленно развитые страны, «центр» — зоны с максимально выраженной искусственностью среды обитания и жизнедеятельности в них человека); необходимость осознания целостности техносферы, значения ее для сохранения жизни на планете, поддержания ее нормального функционирования, а для этого — надежной энергообеспеченности; установление нового баланса между человеком,

техносферой и естественной средой, потребность изменения образов жизни и хозяйствования на планете, что позволило бы отодвинуть дальше угрозу исчерпания жизненно важных невозобновляемых ресурсов.

Будущее развитие международных отношений видится А.Н. Косолаповым в двух вариантах: 1) «двухмерное», если сохранятся межгосударственные отношения авторитарно-олигархического типа (что имеет место в настоящее время — глобальное лидерство США с опорой на силу и группу ведущих мировых держав) или более демократического типа (когда США и другие державы вынуждены будут более ориентироваться на остальной мир); 2) «трехмерное», при котором будет происходить утверждение части международных отношений во внутриглобальные отношения.

При таком подходе подвергается серьезному сомнению не только долговременность системы международных отношений авторитарного типа (во главе с Западом), но и вообще выживание этой системы в долгосрочной перспективе. В этих условиях перед Россией и другими странами ближней и дальней «периферии» открывается возможность строить стратегию национального развития в расчете на мир будущего и рассматривать современное состояние как переходный и временный этап.

Существуют и иные точки зрения на полярность/полночность системы. Так, политолог А.Г. Яковлев полагает, что на смену идеологической биполярной системе пришла новая биполярная система, в которой существуют два полюса: Запад, мыслящий себя и уже фактически являющийся достаточно монолитным; и весь остальной мир — весьма рыхлый, состоящий из автономных компонентов, из самостоятельных, независимых, пока еще не спаянных четким пониманием высшей приоритетности общих интересов и строгими организационными формами центров силы, или полюсов местного значения, хотя некоторые из них (Россия, Китай, Индия) реально и потенциально являются влиятельными факторами в системе международных отношений в целом¹.

По мнению А.Г. Яковлева, события в Косово весной-летом 1999 года стали доказательством несостоятельности концепции

¹ Яковлев А.Г. И все же на горизонте двухполюсный мир // Проблемы Дальнего Востока. — 2000. — № 4. — С. 29-41.

многополярного мира. Позиция США и стран Запада в отношении бывшей Югославии, в отношении России (война в Чечне, Договор по ПРО) показали, что Запад существует и действует как монолитная сила-полюс, противопоставляя себя всем остальным и заявляя о готовности даже военным путем отстаивать и продвигать западные идеалы демократии и рынка. Автор видит два варианта мирового развития: или Запад, опираясь на свою превосходящую силу и используя нынешнюю разобщенность, политическую полицентричность «периферии», успеет надолго воцариться над миром, или «периферия», сосредоточившись, сумеет принудить его к совместному поиску модели жизнеобеспечения человечества, отвечающей мировым условиям, резко изменившимся под влиянием сырьевого, демографического и особенно экологического кризисов. А.Г. Яковлев убежден, по крайней мере до 2020 года (именно к этому времени, согласно отдельным прогнозам, доля развитых стран в мире упадет до одной трети, а доля развивающихся поднимется до двух третей), будет сохраняться биполярность в отношениях Запада и не-Запада, и в зависимости от того, как будет развиваться противостояние-соревнование, период биполярности может быть продлен.

Мысль о возвращении к биполярному миру прозвучала во время работы «круглого стола», проводившегося в декабре 1999 года при участии сотрудников Московского государственного института международных отношений (У) МИД России, Института США и Канады РАН, Института мировой экономики и международных отношений РАН, других научных учреждений. Было высказано мнение, что многополярный мир, равно как и однополярный, не могут быть устойчивыми моделями мирового порядка; их можно рассматривать лишь как временные, переходные ступени мирового развития, и возрождение равновесной двухполюсной системы неизбежно. А.Г. Яковлев считает, что будущее мирового сообщества может оказаться более или менее благополучным лишь в случае скорейшего оформления двухполюсной системы международных отношений, которая только и сможет форсировать восстановление равновесного мира, спасительного для рода людского¹.

¹ Яковлев А.Г. Указ. соч. — С. 36-37.

Тезис о восстановлении биполярности не лишен определенной логики и заслуживает внимания, однако, из рассуждений автора неясно, как будут выглядеть полюса в новом биполярном мире: сохранится ли деление по линии Запад — не-Запад и каким будет состав полюсов; как будет развиваться соперничество между отдельными странами на «периферии», куда пока что попадают Россия, Китай, Индия и ряд других крупных государств; будет ли на «периферии» гегемон, подобный США в «центре» или будут действовать несколько держав-лидеров; не приведет ли закрепление биполярной структуры мира к новому противостоянию, если Запад будет игнорировать общечеловеческие интересы, о которых говорит автор и которым придают большое значение противники однополярности и американской гегемонии. В целом остается неясным, что такое «полюса» в возможной новой биполярной системе, т.е. следует более точно определить категорию «полюса».

Авторитетный философ и политолог Э.Я. Баталов считает, что описание существующего на рубеже веков миропорядка в категориях полярности не может считаться строго научным, и в обозримой перспективе мир не будет ни однополюсным, ни многополюсным. Определяя современный мир как «бесполюсный», Э.Я. Баталов пишет следующее. Полюса — это мощные контрарные мировые подсистемы, образующие крайние точки глобальной оси, на которой держится (вращается) миросистема. Полюса представляют разные цивилизации, социальные, политические и экономические системы; они суть воплощение разных, вплоть до взаимоисключающих, идейных и ценностных ориентаций. Полюса симметричны и соизмеримы по силам и оперативному потенциалу, что позволяет им уравнивать друг друга, выступая одновременно в качестве гарантов мирового порядка и законодателей правил политической игры, которых вынуждены придерживаться все или почти все акторы, выступающие на мировой политической арене. Отношения между полюсами строятся по принципу взаимопритяжения и взаимоотталкивания. Они нуждаются друг в друге для поддержания внутреннего и внешнего статус-кво и стремятся устранить друг друга как соперника. Но с уничтожением одного полюса автоматически исчезает и другой, а

вместе с ними и весь старый миропорядок, что случилось в конце 1980-х — начале 1990-х годов¹.

По мнению ученого, многополюсных миров не бывает: полярные характеристики могут быть присущи лишь двум оппозиционным друг по отношению к другу центрам силы, играющим определяющую роль на данном этапе исторического развития. Отсюда вывод: то, что в конце XX века именуется многополюсным миром, оказывается миром многоблоковым, причем ни один из блоков не имеет полярных по отношению к другим характеристик. Что касается двухполюсного мира, то Э.Я. Баталов не видит предпосылок его появления в обозримой перспективе, и такая «бесполюсная» ситуация в мире (не исключая существование сверхдержавы и взаимодействие/противодействие центров силы разной мощи) характеризуется автором как явление временное, но приравнивается если не к «глобальному беспорядку», то к полосе глобальной нестабильности.

* * *

Как показывает, хотя и неполный, анализ дискуссий о мировом порядке, существуют разные мнения и используются разные концептуальные посыпки для его описания. Ученые не пришли к какому-либо окончательному выводу и не представили комплексного описания существующего порядка, сменившего биполярность. Это следует рассматривать как свидетельство того, что порядок конца XX и начала XXI века не устоялся и имеет переходный, сложный характер. Основное внимание участников дебатов сосредоточено на описании структуры международных отношений, так как расклад сил в мире оказывает определяющее влияние на остальные составляющие мирового порядка — институты, установления и нормы, политику отдельных государств и групп государств.

Если суммировать теоретические изыскания российских авторов, то можно сказать следующее: одни объявили многополярность нормой существования мировой системы, однополярность и биполярность — аномалией, временным, переходным состоя-

¹ Баталов Э.Я. Новая эпоха — новый мир // Свободная мысль. — 2001. — № 1. — С. 4-13.

нием (С.М. Рогов); другие говорили обратное, объявляя биполярность нормальным состоянием международных отношений (А.Г. Яковлев); третьи отказались от описания мира на основе принципа полярности и строили свои рассуждения, используя категории общечеловеческого интереса и выживания человечества (А.Д. Воскресенский); четвертые прибегали к комплексным моделям, в которых давалась иная трактовка исключительного положения США (полюса) и остальных центров силы (полицентричность) (А.Д. Богатуров); пятые предлагали согласиться с тем, что современные международные отношения имеют четко выраженный однополярный характер (А.Ю. Мельвиль, Ю.П. Давыдов), когда США, единственная оставшаяся сверхдержава, объективно заняли лидирующее положение в системе международных отношений и на ближайшую перспективу никакое другое государство не может бросить им вызов и оспорить их монополию на преобладание, при том, что само американское общество не уверено, чем для него обернется это лидерство — бременем или благом¹, выдвигалась и концепция «бесплюсного мира» (Э.Я. Баталов).

Среди американских ученых, вовлеченных в дискуссию о мировом порядке, большинство склонялись к однополярной модели (принимавшейся и на государственном уровне), что объяснялось влиянием сверхдержавного положения США и исторической идейной традицией. В их число входили сторонники однополярности как на основе жесткой/безальтернативной (З. Бжезинский, Р. Кейган), так и на основе мягкой/рассеянной гегемонии США (У. Уолфорт, Дж. Голдгайер). Среди них выделялись ученые, пытавшиеся найти компромисс между однополярностью и многополярностью («трехполюсный мир» Ч. Купчана).

Большинство сторонников многополярности, развивавших эту тему в первой половине 1990-х годов (а до этого в конце 1980-х годов), в конце 1990-х годов перестали писать об этом (например, Ч. Кегли и Г. Реймонд). Те, кто продолжал отстаивать идею многополярности, обсуждали ее в иных категориях: сохранение «концерта великих держав», где Америка могла бы в разумных пределах использовать свое преобладающее положение (Ч. Мэйнс, Дж. Кеннан, К. Лейн, Д. Эбшайр, Б. Поузен). Были по-

¹ Давыдов Ю.П. Расширение зоны ответственности Атлантического мира //США*Канада: экономика, политика, культура. — 2000. — № 3. — С. 12-30.

пытки представить комплексный подход в описании порядка (смешанная структура («гибрид») международных отношений С. Хантингтона).

Подводя итоги дискуссиям о мировом порядке в конце XX — начале XXI века, можно сказать следующее.

1) Неясна и не устоялась структура международных отношений, процесс формирования новой системы продолжается.

2) Пока трудно сказать, что в мире существуют принимаемые, если не всеми, то хотя бы большинством стран, принципы внешнеполитического поведения и установления, в соответствии с которыми строится политика отдельных участников (или групп) международных отношений и разрешаются международные проблемы.

Значительная часть государств, включая Россию (в основном члены мирового сообщества), продолжает сохранять приверженность принципам (таким, как уважение суверенитета и невмешательство во внутренние дела государств) и установлениям, существовавшим в эпоху биполярности (Устав ООН, Хельсинкские соглашения и даже отдельные положения собственно ялтинско-потсдамских соглашений, в частности по территориальным вопросам и вопросам границ). Другие страны, или так называемое «мировое общество» (Запад и США), не скрывают своего пренебрежения к принципам и установлениям послевоенного порядка и заявляют о том, что мир вступил в новую эпоху — эпоху глобализации, которая требует иных принципов и установлений: Хельсинкские договоренности нарушались США и НАТО в ходе югославского конфликта; ОБСЕ и ООН продолжают утрачивать значение в решении международных проблем во многом из-за политики США и НАТО; ломается система договоренностей в сфере безопасности. При этом существует и активно действует организация эпохи биполярного порядка НАТО, расширенная и сохраняющая традиционный военный компонент в своей деятельности. Чертой, отделяющей «старый» и «новый» мировой порядок, многие политологи назвали события в бывшей Югославии.

Как отмечал А.Д. Богатуров, после кризисов в бывшей Югославии «мировое общество» отказалось от принципа разрешительности, который со времен Вестфальского мира 1648 года считался системообразующим и предусматривал неограниченную свободу суверенных государств во внутренней политике, если это не угрожало безопасности других стран. По его определению,

«семерка» в своих действиях руководствовалась новой доктриной международного порядка — доктриной «избирательной легитимности». В соответствии с ней страны НАТО присвоили себе право не только определять, насколько легитимны внутривнутриполитические действия суверенных правительств, но и устанавливать пределы государственного суверенитета (!)¹

Характеризуя ситуацию в сфере нормотворчества, Ю.П. Давыдов отметил, что международные отношения находятся на поворотном отрезке истории, который, как и любая переломная фаза, является одновременно периодом значительной неопределенности и нестабильности, прежде всего духовного (теоретического) плана. Многие достижения человечества, равно как и до сих пор имеющие силу концепции, будь они политической, экономической, общественной или культурной природы, переоцениваются заново или, в соответствии с духом времени, целиком ставятся под вопрос. В такие узловые периоды исторического развития, обращает внимание политолог, перед трансформирующимися обществами встает целый ряд вопросов, как, например: на какую смену ценностей и парадигм должны ориентироваться политические системы, каковы судьбы отдельных национальных государств во все более взаимозависимом мире; ведут ли глубокие потрясения последнего десятилетия к образованию цельного мира или углубляют его цивилизационную дифференциацию; в какой мере современные исследователи могут оценить размер, масштаб и последствия этой в короткое время произошедшей метаморфозы? Нет ясного понимания относительно того, на какие нормы международного поведения и на какую систему международных отношений должно ориентироваться «мировое сообщество». Отсюда осторожность экспертов в оценках различных нововведений в международной жизни, равно как и значительное количество ошибок, совершаемых национальными лидерами в области практической деятельности, их стремление, вторгаясь в новые сферы, не отрываться от привычных парадигм прошлого².

3) Что касается набора признаваемых моральными и допустимыми санкций за нарушения установленных принципов и ус-

¹ Богатуров А.Д. Синдром поглощения в международной политике. — С. 43-44.

² Давыдов Ю.П. Расширение зоны ответственности Атлантического мира. — С. 12-13.

тановлений, то встает вопрос: каких принципов и уложений? В современном мире, как уже отмечалось выше, нет единства в этом вопросе, так как «мировое общество» и «мировое сообщество» в большинстве своем придерживаются разного понимания относительно смены принципов и установлений. В то время как «сообщество» продолжает заявлять, что только санкционирование тех или иных карательных санкций со стороны ООН (иногда ОБСЕ или вовлеченных в конфликт сторон) может сделать их легитимными, то «мировое общество» придерживается новых принципов легитимности карательных действий или санкций — с ведома и решения «семерки» и ее военного института — НАТО.

В мире понизился порог применения силы (прямой и косвенной), о чем свидетельствовали действия НАТО в Ираке, в бывшей Югославии, а также силовые действия правительств отдельных стран, увидевших в действиях НАТО прецедент.

4) Относительно потенциала уполномоченных стран или институтов эти санкции осуществить и политической воли стран-участниц этим потенциалом воспользоваться, то можно сказать следующее. Потенциал регулирования международных отношений (и процессов), преимущественно силового, есть у небольшой группы ведущих стран мира («общество»), опирающихся в основном на военную мощь НАТО (а значит — США). Однако стремление (и определенная воля) к мирорегулированию и нормотворчеству (пусть и весьма ограниченному) демонстрируется не только сильнейшими мировыми державами (в том числе Россией, остающейся второй ядерной сверхдержавой и крупнейшей мировой державой по другим параметрам), но и другими субъектами (актерами) международных отношений (Китай, Иран, Индия), а также рядом т.н. «проблемных» государств, склонных, несмотря на свою слабость, вести силовую, подчас агрессивную политику, как внутри страны, так и за ее пределами (Ирак, Афганистан).

Как справедливо отметил А.Д. Богатуров, в однополярном мире решения принимаются и реализуются менее централизованно, и, надо добавить, менее дисциплинированно, чем в условиях биполярности, когда сдерживающие факторы оказывали достаточно заметное влияние на действия противостоящих групп и отдельных государств.

Если говорить о международных институтах, то их состояние остается весьма неопределенным. Неясно, какие институты

сохранят потенциал регулирования мирового порядка, как их действия будут соотноситься с новыми процессами мирового развития, изменением соотношения сил между ведущими странами и всем остальным миром, внутри как «мирового общества», так и «мирового сообщества», сохранят ли Соединенные Штаты потенциал для глобального регулирования.

По оценке А.Д. Богатурова, с которой нельзя не согласиться, последнее десятилетие XX века стало самым успешным с точки зрения экспансии «мирового общества» в отдаленные и закрытые для внешних влияний уголки планеты. В момент распада bipolarности это внутренне спаянное демократическое ядро государств с выгодой для себя воспользовалось эпохальным шансом и сделало рывок к формированию «мирового общества» планетарного масштаба. Вместе с тем обнаружилось, что исходные ожидания и понимание мирового развития в единственной версии развития — линейно-прогрессивной — в известной мере исчерпаны. Для сохранения влияния Запада (демократического ядра) «мировому обществу» придется искать более адекватные формы, совместимые с интересами государств, которые до сих пор оставались лишь объектами международного влияния¹.

Итак, дискуссия показала, что происходит распад старого порядка, хотя отдельные его составляющие сохраняются. Такой вывод можно сделать уже потому, что новая система принципов, установлений, институтов не создана, и мир поэтому кажется (и пока является на самом деле) менее стабильным, менее регулируемым, чем прежде, и это рождает иллюзию о том, что предлагающееся силовое регулирование является единственно возможным и действенным.

Новый мировой порядок еще не сложился, и у мирового сообщества остается возможность сконструировать тот порядок, который наиболее выгоден и приемлем всем, а не только небольшой группе государств, причисляющих себя к передовым демократиям мира. В этих условиях значительная роль будет принадлежать государствам, способным оказывать влияние на международные процессы, среди которых весомая роль принад-

¹ Богатуров А.Д. Синдром поглощения в международной политике. — С. 45-46.

лежит России, Китаю, странам, входящим в Большую Европу, и, конечно, Соединенным Штатам.

Российские и американские ученые сохраняют первенство в разработке концепций нового мирового порядка, оригинальность мышления и приверженность историческим идейным традициям. Представляется, что, несмотря на неравные позиции, Россия и США будут оказывать заметное (может быть решающее) влияние на состояние международных отношений и на тот порядок, который будет складываться в XXI веке.